

IX. Представленіе, сужденіе, понятіе.

Чувственные воспріятія представляются наблюденію не одною сплошною массою, а рядомъ группъ; стихіи каждой изъ этихъ группъ порознь находятся между собою въ болѣе тѣсной связи, чѣмъ со стихіями другихъ группъ. Такое явленіе не первообразно. Соединеніе воспріятій въ отдѣльные крути есть уже форма, придаваемая душою отдѣльнымъ воспріятіямъ, и въ нѣкоторомъ смыслѣ можетъ быть названо самодѣтельностью души, потому что хотя не обнаруживается ея свободы, но столь же зависитъ отъ ея собственной природы, сколько отъ свойства внѣшнихъ возбужденій. Конечно, слово „самодѣтельность“ требуетъ здѣсь нѣкотораго ограниченія. Нельзя себѣ представить такихъ дѣйствій души, которыя бы не были вызваны внѣшними условіями, хотя съ другой стороны нѣтъ и такихъ, которыя бы вполне объяснялись посторонними вліяніями. Въ послѣднемъ смыслѣ даже хаотическое состояніе воспріятій и свойства каждаго изъ нихъ порознь—творчество души; въ первомъ—даже самосознаніе и свобода воли—явленія зависимыя и несвободныя. Однако есть основаніе видѣть болѣе самодѣтельности тамъ, гдѣ внѣшнія причины не прямо, а только посредствомъ ряда состояній самаго существа вызываютъ такое, а не другое его движеніе.

Соединеніе впечатлѣній въ образы, принимаемые нами за предметы, существующіе независимо отъ насъ и безъ нашего участія, это соединеніе есть уже дѣло нашей души, впрочемъ не отличающее ее отъ души животнаго.

Положимъ, что зрѣніе въ первый разъ даетъ человѣку впечатлѣнія дерева на голубомъ полѣ неба. Небо и дерево составляли бы для него одно разноцвѣтное пространство, одинъ предметъ, и на всегда остались бы однимъ предметомъ, если бы при повтореніи тѣхъ же воспріятій не измѣнялся фонъ, напр. не шпалось дерево отъ вѣтру, не заволакивалось небо облаками. Такъ какъ все это бываетъ, то воспріятія впечатлѣній, производимыхъ на глазъ деревомъ, повторяясь каждый разъ безъ замѣтныхъ измѣненій или съ небольшими, сливаются другъ съ другомъ, и при воспоминаніи воспроизводятся всегда разомъ или въ томъ же порядкѣ, образуютъ для мысли постоянную величину, одинъ *чувственный образъ*, а впечатлѣнія неба не сольются такимъ образомъ и при воспроизведеніи будутъ *переменною* величиною.

Въ одно время съ впечатлѣніями зрѣнія могутъ быть даны впечатлѣнія слуха и обонянія, напр. я могу, глядя на растеніе, слы-

шать шумъ его листьевъ и чувствовать запахъ его цвѣтовъ; но впечатлѣнія осязанія и вкуса не могутъ быть вполнѣ одновременны со впечатлѣніемъ зрѣнія, потому что я, ощупывая предметъ, скрываю отъ глазъ обращенную ко мнѣ часть его поверхности, и совѣмъ не вижу предмета, который у меня во рту. Самое зрѣніе одновременно представляетъ намъ только то, что разомъ обхватывается глазомъ, но вмѣстѣ съ этимъ глазъ и переходитъ къ одной части поверхности, оставляя другую. Въ такихъ случаяхъ къ одновременности воспріятія, какъ основанію ассоціаціи, присоединяется непосредственная послѣдовательность, такъ что напр. сначала одновременно получаютъ впечатлѣнія точекъ, составляющихъ видимую поверхность тѣла, за тѣмъ тѣло осязается, чувствуется его вкусъ, запахъ, слышится звукъ его паденія. При этомъ, чувственный образъ предмета со многими признаками составитъ только тогда, когда совокупность этихъ признаковъ будетъ относиться ко всѣмъ другимъ, какъ въ приведенномъ выше примѣрѣ выдѣленія комплекса признаковъ изъ ряда однородныхъ относятся постоянныя впечатлѣнія отъ дерева къ переменчивымъ впечатлѣніямъ фона, на которомъ оно обрисовывается. Противоположность постоянного и измѣнчиваго, образуемая сліяніемъ однородныхъ воспріятій, здѣсь необходима, потому что безъ нея всѣ воспріятія одновременныя и послѣдовательныя составили бы только одинъ рядъ, который, пожалуй, можно бы назвать чувственнымъ образомъ; они постоянно находились бы въ томъ состояніи, въ какомъ, вѣроятно, находятся въ первое время жизни ребенка.

Изолированный рядъ воспріятій не всегда повторяется въ томъ же порядкѣ, хотя стихіи его остаются тѣже. Сначала напр. можно видѣть горящія дрова, потомъ слышать ихъ трескъ и чувствовать теплоту, или же сначала слышать трескъ, а потомъ, уже приблизившись, увидѣть пламя и почувствовать теплоту. Это далеко не все равно, потому что единство чувственного образа зависитъ не только отъ тождества составляющихъ его признаковъ, но и отъ легкости, съ какою одинъ признакъ воспроизводится за другимъ. Если нѣсколько разъ данъ былъ рядъ признаковъ одного образа въ порядкѣ *a b c d e* и вслѣдъ за тѣмъ еще разъ получится признакъ *a*, то онъ легко вызоветъ въ сознаніе всѣ слѣдующіе за нимъ; но если упомянутый рядъ начнется съ конца, то признакъ *e* самъ по себѣ или вовсе не произведетъ признаковъ *d c* и пр., или—гораздо медленнѣе. Слова „Отче нашъ“ напомнятъ намъ всю молитву, но слово „лукаваго“ не заставитъ насъ воспроизводить ее навыворотъ (отъ

нась, избави и проч.), точно такъ, какъ признакъ *e* не дать намъ цѣлаго образа *a, b, c, d, e*. Хотя *e* могло повторяться столько-же разъ, сколько и *a*, но это послѣднее, по своему вліянію на всѣ остальные, будто господствуетъ надъ всѣмъ образомъ. Если бы основанія ассоціаціи, положенныя рядомъ *a, b, c...* (въ которомъ смежныя члены *ab, bc* тѣснѣе связаны, чѣмъ удаленные другъ отъ друга *a* и *e*) при каждомъ повтореніи образа замѣнялись новыми (*b a c, c a b...*), то такъ сказать, господство переднихъ членовъ, напр. *a*, надъ всѣми остальными было бы уничтожено и каждый могъ бы съ такою же быстротою воспроизводить всѣ остальные. На дѣлѣ однако бываетъ иначе, и это зависитъ сколько отъ того, что при воспріятіи не исчерпываются всѣ сочетанія признаковъ, столько и отъ другой причины. Въ самомъ кругу изолированного образа при новыхъ воспріятіяхъ одніе черты выступаютъ ярче отъ частаго повторенія, другія остаются въ тѣни. При словѣ „*золото*“ намъ приходится на мысль цвѣтъ, а въсь, звукъ могутъ вовсе не прійти, потому что не всякій разъ при видѣ золота мы взвѣшивали его и слышали его звукъ. Образованіе такого же центра въ изолированномъ кругу воспріятій мы можемъ предложить и до языка. Въ чемъ же послѣ этого будетъ состоять излишекъ силы творчества челоѣческой души, создающей языкъ, сравнительно съ силою животнаго, знающаго только нечленораздѣльные крики, или вовсе лишеннаго голоса? Отвѣтъ на это былъ уже отчасти заключенъ въ предшествующемъ.

Внутренняя форма есть тоже центръ образа, одинъ изъ его признаковъ, преобладающій надъ всѣми остальными. Это очевидно во всѣхъ словахъ позднѣйшаго образованія съ ясно опредѣленнымъ этимологическимъ значеніемъ (*быкъ*—ревушій, *волкъ*—рѣжушій, *медвѣдь*—ѣдящій медъ, *пчела*—жуужащая и пр.), но не встрѣчается, кажется, противорѣчія и въ словахъ ономато-поэтическихъ потому-что чувство, вызвавшее звукъ, есть такая-же стихія образа, какъ устранимый отъ содержанія колоритъ есть стихія картины. Признакъ, выраженный словомъ, легко упрочищаетъ свое преобладаніе надъ всѣми остальными, потому что воспроизводится при всякомъ новомъ воспріятіи, даже не заключааясь въ этомъ послѣднемъ, тогда какъ изъ остальныхъ признаковъ образа многіе могутъ лишь изрѣдка возвращаться въ сознаніе. Но этого мало. Слово съ самаго своего рожденія есть для говорящаго средство понимать себя, апперципировать свои воспріятія. Внутренняя форма, кромѣ фактического

единства образа, даетъ еще знаніе этого единства; она есть не образъ предмета, а образъ образа, т. е. представленіе ¹⁾.

Конечно, знаніе того, что происходитъ въ душѣ, и при томъ такое несовершенное знаніе, сводящее всю совокупность признаковъ къ одному, можетъ показаться весьма малымъ преимуществомъ человѣка, хотя, сравнительно съ безсознательнымъ собираніемъ признаковъ въ одинъ кругъ,—это знаніе есть самодѣтельность по преимуществу; но можно думать, что, именно только какъ представленіе, образъ получаетъ для человѣка тотъ высокій интересъ, какого не имѣетъ для животнаго, и что только представленіе вызываетъ дальнѣйшія, исключительно человѣческія преобразованія чувственнаго образа.

Прежде, чѣмъ говорить о вліяніи представленія на чувственный образъ, слѣдуетъ прибавить еще одну черту къ сказанному выше объ апперцепціи: ея отличіе отъ простой ассоціаціи съ одной стороны и сліянія—съ другой и ея постоянная двучленность указываетъ на ея теждество съ формою мысли, называемою сужденіемъ. Апперципируемое и подлежащее объясненію есть субъектъ сужденія, апперципирующее и опредѣляющее—его предикатъ. Если, исключивъ ассоціацію и сліяніе, какъ простѣйшія явленія душевнаго механизма, назовемъ апперцепцію, которая кажется уже не страдательнымъ воспріятіемъ впечатлѣній, а самодѣтельнымъ ихъ толкованіемъ, назовемъ ее первымъ актомъ мышленія въ тѣсномъ смыслѣ, то тѣмъ самымъ за основную форму мысли признаемъ сужденіе. Впрочемъ отъ такой перемѣны названій было бы мало проку, если бы она не вела къ одному важному свойству слова.

Представленіе есть извѣстное содержаніе нашей мысли, но оно имѣетъ значеніе не само по себѣ, а только какъ форма, въ какой чувственный образъ входитъ въ сознаніе; оно—только ука-

1) „Человѣкъ стремится придать предметамъ, дѣйствующимъ на него множествомъ своихъ признаковъ, опредѣленное единство, для выраженія коего [um ihre (dieser Einheit) Stelle zu vertreten] требуется внѣшнее, звуковое единство слова. Звукъ не вытѣсняетъ ни одного изъ остальныхъ впечатлѣній, производимыхъ предметомъ, а становится ихъ сосудомъ (wird ihr Träger) и своимъ индивидуальнымъ свойствомъ, соответствующимъ свойствамъ предмета, въ томъ видѣ, какъ этотъ предметъ былъ воспринятъ личнымъ чувствомъ всякаго, прибавляетъ къ упомянутымъ впечатлѣніямъ новое, характеризующее предметъ“ (Humb. Ueb. die Versch. 52). Это новое, прибавляемое къ предмету словомъ, есть не представленіе, а скорѣе то, что мы выше назвали внутреннею формою звука.

заніе на этотъ образъ, и внѣ связи съ нимъ, т. е. внѣ сужденія не имѣть смысла. Но представленіе возможно только въ словѣ, а потому слово, независимо отъ своего сочетанія съ другими, взятое отдѣльно въ живой рѣчи, есть выраженіе сужденія, двучленная величина, состоящая изъ образа и его представленія. Если напр. при воспріятіи движенія воздуха человѣкъ скажетъ: „вѣтеръ!“ то это одно слово можетъ быть объяснено цѣлымъ предложеніемъ: это (чувственное воспріятіе вѣтра) есть то (т. е. тотъ прежній чувственный образъ), что мнѣ представляется вѣющимъ (представленіе прежняго чувственного образа). Новое апперципируемое воспріятіе будетъ субъектомъ, а представленіе, которое одно только выражается словомъ,—будетъ замѣною дѣйствительнаго предиката. При пониманіи говорящаго значеніе членовъ сужденія переимѣнится: услышанное отъ другаго слово *бу* вызоветъ въ сознаніи воспоминаніе о такомъ-же звукѣ, который прежде издавался самимъ слушающимъ, а черезъ этотъ звукъ—его внутреннюю форму, т. е. представленіе, и наконецъ самый чувственный образъ быка. Представленіе останется здѣсь предикатомъ только тогда, когда слушающій самъ повторитъ только что услышанное слово. Впрочемъ такое повтореніе неизбѣжно въ мало-развитомъ человѣкѣ. „Человѣку, говоритъ Гумбольтъ, врождено высказывать только что услышанное“, и, безъ сомнѣнія, молчать понимая труднѣе, чѣмъ давать вольный выходъ движенію своей мысли. Такъ дѣти и вообще малограмотные люди не могутъ читать про себя: имъ нужно слышать результатъ своей умственной работы, будетъ ли она состоять въ простомъ переложеніи письменныхъ знаковъ въ звуки, или же и въ пониманіи читаннаго. Непосредственно истиннымъ и дѣйствительнымъ на первыхъ порахъ кажется человѣку только ощутимое чувствами, и слово имѣетъ для него всю прелесть дѣла.

Дитя сначала говорить только отрывистыми словами и каждое изъ этихъ словъ, близкихъ къ междометіямъ, указываетъ на совершившійся въ немъ процессъ апперцепціи, на то, что оно или признаетъ новое воспріятіе за одно съ прежнимъ, узнаетъ знакомый предметъ (ляля! мама!), или сознаетъ въ словѣ образъ желаемаго предмета (папа, т. е. хлѣба). И взрослые говорятъ отдѣльными словами, когда поражены новыми впечатлѣніями, вообще когда руководятся чувствомъ и неспособны къ болѣе продолжительному самонаблюденію, какое предполагается связною рѣчью. Отсюда можно заключить, что для первобытнаго человѣка весь языкъ состоялъ изъ предложений съ выраженнымъ въ словѣ однимъ только *сказуемымъ*.

Опасно однако упускать из виду мысль Гумбольта, что не слѣдуетъ приурочивать термины ближайшихъ къ намъ и наиболѣе развитыхъ языковъ (напр. *сказуемое*) къ языкамъ далекимъ отъ нашего по своему строенію. Мысль эта покажется пошлою тому, кто сравнить ее съ совѣтомъ не дѣлать анахронизмовъ въ исторіи, но поразить своей глубиною того, кто знаетъ, какъ много еще теперь (не говоря уже о 20-хъ годахъ) филологовъ-спеціалистовъ, которые не могутъ понять, какъ можетъ быть языкъ безъ глагола. Говорятъ обыкновенно, что „первое слово есть уже предложіе“. Это справедливо въ томъ смыслѣ, что первое слово имѣло уже смыслъ, что оно не могло существовать въ живой рѣчи въ томъ видѣ, составляющемъ уже результатъ научнаго анализа, въ какомъ встрѣчается въ словарѣ; но совершенно ошибочно думать, что предложіе сразу явилось такимъ, каково въ нашихъ языкахъ.

Языкъ есть средство понимать самого себя. Понимать себя можно въ разной мѣрѣ; чего я въ себѣ не замѣчаю, то для меня не существуетъ и конечно не будетъ мною выражено въ словѣ. Поэтому никто не имѣетъ права влагать въ языкъ народа того, чего самъ этотъ народъ въ своемъ языкѣ не находитъ. Для насъ предложіе немислимо безъ подлежащаго и сказуемаго; опредѣляемое съ опредѣлительнымъ, дополняемое съ дополнительнымъ не составляютъ для насъ предложія. Но подлежащее можетъ-быть только въ именительномъ падежѣ, а сказуемое невозможно безъ глагола (*verbum finitum*); мы можемъ не выражать этого глагола, но мы чувствуемъ его присутствіе, мы различаемъ сказательное (предикативное) отношеніе („бумага бѣла“) отъ опредѣлительнаго („бѣлая бумага“). Еслибъ мы не различали частей рѣчи, то тѣмъ самымъ мы бы не находили разницы между отношеніями подлежащаго и сказуемаго, опредѣляемаго и опредѣленія, дополняемаго и дополненія, то есть. предложіе для насъ бы не существовало. Очевидно, дитя и первобытный человѣкъ не могутъ имѣть въ своемъ языкѣ предложія уже потому, что не знаютъ ни падежей, ни лицъ глагола, что говорятъ только отдѣльными словами. Но эти слова, сказалъ Беккеръ, — глаголы, сказуемые, существенная часть предложія. Это не вѣрно: „цаца!“ „ляля!“ „папа!“ названія не дѣйствій, а предметовъ, узнаваемыхъ ребенкомъ; въ этихъ словахъ можетъ слышаться требованіе, и въ такомъ случаѣ они скорѣе могли бы быть переведены нашими дополнительными.

„Если представить себѣ, говорить Гумбольтъ, созданіе языка постепеннымъ (а это естественнѣе всего), то нужно будетъ принять,

что это созданіе, подобно всякому рожденію (Entstehung) въ природѣ, происходитъ по началу развитія извнутри ¹⁾“. Чувство, проявившееся въ звукѣ, заключаетъ въ себѣ все въ зародышѣ, но не все въ то-же время видно въ звукѣ ²⁾. Разумѣется, если знаемъ, что содержаніе мысли, обозначаемой языкомъ, идетъ отъ большаго числа отдѣльных чувственныхъ воспріятій и образовъ, а звуки языка—отъ многихъ рефлексій чувства, то не станемъ думать, что языкъ вылутился изъ одного корня, какъ, по индійскому мнѣю, все-ленная изъ яйца, но согласимся, что каждое первобытное слово представляло только возможность позднѣйшаго развитія извѣстнаго рода значеній и грамматическихъ категорій. Удерживая разницу между организмомъ, имѣющимъ самостоятельное существованіе, и словомъ, которое живетъ только въ устахъ человѣка, можемъ воспользоваться сравненіемъ первобытнаго слова съ зародышемъ: какъ зерно растенія не есть ни листъ, ни цвѣтъ, ни плодъ, ни все это взятое вмѣстѣ, такъ слово въ началѣ лишено еще всякихъ формальныхъ опредѣленій и не есть ни существительное, ни прилагательное, ни глаголѣ.

„Дѣятельности, говорить Штейнталь, лежація въ основаніи существительныхъ, не глаголы, а прилагательныя, названія признаковъ. Признакъ есть атрибутъ, посредствомъ коего инстинктивное самосознаніе понимаетъ (erfasst) чувственный образъ, какъ единицу, и представляетъ себѣ этотъ образъ. Какъ умъ нашъ не постигаетъ предмета въ его сущности, такъ и языкъ не имѣетъ собственныхъ, первоначальныхъ существительныхъ, и какъ сочетаніе признаковъ принимается нами за самый предметъ, такъ и въ языкѣ есть только названіе признаковъ“. Дѣйствительно предметы называются въ языкѣ каждый по одной изъ примѣтъ, взятой изъ совокупности остальныхъ: *рѣка*—текущая (кор. *рик*, скр. *рич*, течь, или, что кажется вѣроятнѣе, *ри*, тоже, что въ малорусск. *ринуть* и нѣм. *rinen*), *берегъ*—охраняющій, берегущій (серб. *Бријег*, холмъ, слѣдоват. почти тоже, что нѣмецкое *Berg*, которое по Гримму,—отъ значенія, сохранившагося въ *bergen*, скрывать, охранять, наше *беречь*), или, согласно съ постояннымъ эпитетомъ—крутой, обрывистый (ср. греч. *φραγ*—*φορ* δ —греч. φ), *небо*—покрывающее, *туча*—изливающая, *трава*—пожираемая, служащая кормомъ и т. д. Само-собою бросается въ

1) „So muss man ihr (der Sprache) ein Evolutionssystem unterlegen“.

2) Ueb. die Versch. 174.

глаза, что все эти признаки предполагают название дѣятельности: нужно было имѣть слово *тру* (-ти) для дѣятельности пожирания, чтобы имъ обозначить траву, какъ снѣдь. Но и въ основаніи названія дѣятельностей лежатъ тоже признаки. „Дѣятельность разсматривается совершенно какъ субстанція; не сама она по себѣ, а впечатлѣніе, производимое ею на душу, отражается въ звукѣ. И дѣятельность имѣетъ много признаковъ, изъ коихъ одинъ замѣщаетъ все остальные и получаетъ потомъ значеніе самой дѣятельности. Такимъ-образомъ первыя слова—названія признаковъ, и стало-быть, если захотимъ употребить грамматическій терминъ,—*нарѣчія* ¹⁾“. Но мы этого не хотимъ, и какъ Штейнталю очень хорошо извѣстно, не имѣемъ права. Представленіе есть точно одинъ изъ многихъ признаковъ, сложившихся въ одно цѣлое, но слово въ началѣ развитія мысли не имѣетъ еще для мысли значенія качества и можетъ быть только указаніемъ на чувственный образъ, въ которомъ нѣтъ ни дѣйствія, ни качества, ни предмета, взятыхъ отдѣльно, но все это въ нераздѣльномъ единствѣ. Нельзя напр. видѣть движенія, покоя, бѣлизны самихъ по себѣ, потому что они представляются только въ предметахъ, въ птицѣ, которая летитъ или сидитъ, въ бѣломъ камнѣ и проч.; точно такъ нельзя видѣть и предмета безъ извѣстныхъ признаковъ. Образование глагола, имени и пр. есть уже такое разложеніе и видоизмѣненіе чувственного образа, которое предполагаетъ другія, болѣе простыя явленія, слѣдующія за созданіемъ слова. Такъ напр. части рѣчи возможны только въ предположеніи, въ сочетаніи словъ, котораго не предполагаемъ въ началѣ языка; существованіе прилагательнаго и глагола возможно только послѣ того, какъ сознаніе отдѣлитъ отъ болѣе-менѣе случайныхъ атрибутовъ то неизмѣнное зерно вещи, ту сущность, *субстанцію*, то нѣчто, которое человѣкъ думаетъ видѣть за сочетаніемъ признаковъ и которое не дается этимъ сочетаніемъ. Мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ объ образованіи грамматическихъ категорій, входящій въ область исторіи отдѣльныхъ языковъ ²⁾, и ограничимся немногими замѣчаніями о свойствахъ слова, которыя предполагаются всякимъ языкомъ и должны служить дополненіемъ къ сказанному выше о словѣ, какъ средствѣ сознанія единства образа.

¹⁾ Steinh. Gram. Log. u. Psych. 325, 328. Cp. 361.

²⁾ Указанія на основныя различія грамматики языковъ можно найти въ сочиненіи Штейнталя, *Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues*. Berl. 1860.

Уже въ прошломъ столѣтіи замѣчено было, что слово имѣть ближайшее отношеніе къ обобщенію чувственныхъ воспріятій и что въ безсловесности животныхъ слѣдуетъ искать объясненія, почему имъ недоступны ни общія идеи (во французскомъ, самомъ общемъ смыслѣ этого слова), ни зависящая отъ нихъ усовершенность чело-вѣка. Впрочемъ и тогда, и теперь весьма многими значеніе языка для развитія мысли понимается очень неудовлетворительно, напр. такимъ образомъ: „языкъ служить пособіемъ при отвлеченіи, потому что онъ обозначаетъ только отвлеченное и долженъ обозначать только это; въ противномъ случаѣ онъ былъ-бы бесполезенъ, такъ какъ число словъ было-бы не меньше числа воспріятій“. Слово принимается здѣсь, какъ знакъ готовой мысли, а не какъ ея органъ, не какъ средство добывать ее изъ рудниковъ своей души и придавать ей высшую цѣну. Безъ отвѣта остаются также вопросы: составляетъ ли отвлеченное исключительную принадлежность чело-вѣка, и если нѣтъ, то какой особенный смыслъ придаетъ слово чело-вѣческому отвлеченію?

Образованіе въ душѣ воспріятій, преобладающихъ надъ дру-гими, и связанное съ этимъ безсознательное объединеніе чувствен-наго образа, всегда предполагаетъ устраненіе изъ сознанія значи-тельного числа впечатлѣній, которыя мы называли фономъ чувствен-наго образа, и есть первообразъ позднѣйшаго процесса отвлеченія или абстракціи. Не трудно найти доказательства, что чувственный образъ, на которомъ мы сосредоточились, который мы выдѣлили изъ всего прочаго, заключаетъ въ себѣ далеко не всѣ черты, пере-данныя намъ чувствами, точно такъ, какъ портретъ отсутствующаго лица, написанный по одному воспоминанію, изображаетъ далеко не всѣ особенности лица, дѣйствовавшія нѣкогда на глазъ и бывшія въ сознаніи живописца. Безсознательное сліяніе нѣсколькихъ обра-зовъ, полученныхъ въ разное время, въ одинъ было бы совершенно невозможно, если бы эти образы, всегда сложные, удерживались душою въ одинаковой полнотѣ, а не постоянно разлагались посред-ствомъ отпаденія отдѣльныхъ частей, несвязанныхъ для насъ извѣ-стными отношеніями. Это сліяніе, встрѣчающее тѣмъ меньше пре-пятствій, чѣмъ меньше особенностей образовъ удержалось въ памяти, есть уже обобщеніе. Совокупность мыслимаго мною во время и послѣ такого сліянія, даже безъ моего вѣдома, относится уже не къ одному предмету, а къ нѣсколькимъ, и тѣмъ самымъ превращается въ болѣе-менѣе неопредѣленную схему предметовъ. Подобныя схемы необходимо предположить въ животномъ, многія дѣйствія коего не

могутъ быть объяснены одними физиологическими побужденіями. Собака лаетъ на нищаго и не лаетъ на человѣка, одѣтаго какъ ея господинъ, напр. въ студенческое платье; не обнаруживается ли она этимъ, что въ ней составилось двѣ схемы людей, различно одѣтыхъ, — схемы, не заключающія въ себѣ частныхъ отличій, и что новыя впечатлѣнія, относясь то къ одной, то къ другой изъ этихъ схемъ, лишаются на время своихъ особенностей, которыя однако по всей вѣроятности остаются въ душѣ? Если животное узнаетъ привычную пищу, избѣгаетъ знакомой опасности, если оно вообще способно не только руководиться указаніями инстинкта, но и пользоваться своею опытностью, въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія; то это дается ему только способностью обобщать чувственные данныя. Минуя слово „обобщеніе“, съ которымъ многіе не безъ основанія соединяютъ мысль объ исключительно человѣческой дѣятельности души, мы можемъ выразить это и такимъ образомъ: то, что мы обозначаемъ отрицательно отсутствіемъ способности цѣликомъ и безъ измѣненій удерживать сложившіяся въ душѣ сочетанія воспріятій, есть положительное свойство души, необходимое въ экономіи и человѣческой и животной жизни.

Умственная жизнь человѣка, до появленія въ немъ самосознанія, намъ также темна, какъ и душевная жизнь животного, и потому мы всегда принуждены будемъ ограничиться только догадками о несомнѣнно существующихъ родовыхъ различіяхъ между первоначальными обнаруженіями этой жизни въ человѣкѣ и въ животномъ. Но несомнѣнно, что въ то время, какъ животное не идетъ далѣе смутныхъ очерковъ чувственного образа, для человѣка эти очерки служатъ только основаніемъ, исходною точкою дальнѣйшаго творчества, въ безчисленныхъ произведеніяхъ коего, напр. въ понятіяхъ Бога, судьбы, случая, закона и пр., только научный анализъ можетъ открыть слѣды чувственныхъ воспріятій. Понятно, что въ человѣкѣ есть сила, заставляющая его особеннымъ, ему только свойственнымъ образомъ, видоизмѣнять впечатлѣнія природы; легко также принять, что точка, на которой становится замѣтною человѣчность этой силы, на которой обобщеніе получаетъ неживотный характеръ, есть появленіе языка; но что же именно прибавляетъ слово къ чувственной схемѣ? Чтобы оно ни прибавляло, это нѣчто должно быть существеннымъ условіемъ позднѣйшаго совершенствованія мысли, иначе самъ языкъ будетъ ненуженъ.

Выше мы назвали слово средствомъ сознанія единства чувственного образа; здѣсь мы прибавимъ только, что слово есть въ

Слово-средство сознанія единства

тоже время и средство сознанія общности образа. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, сознанію того, что уже существуетъ, можемъ приписать могущество пересоздавать это существующее, но не создавать его, не творить изъ ничего. Человѣкъ не изобрѣлъ бы движенія, еслибъ оно не было безъ его вѣдома дано ему природой, не построилъ бы жилья, еслибъ не нашелъ его готовымъ, подъ сѣнью дерева или въ пещерѣ, не сложилъ бы пѣсни, поэмы, еслибъ каждое его слово не было, какъ увидимъ ниже, поэтическимъ произведеніемъ; точно такъ слово не дало бы общности, еслибъ ея не было бы до слова. Тѣмъ-не-менѣе есть огромное разстояніе между непроизвольнымъ движеніемъ и балетомъ, тѣсомъ и колоннадою храма, словомъ и эпопеею, равно какъ и между общностью образа до слова и отвлеченностью мысли, достигаемою посредствомъ языка.

Намъ кажется вѣрнымъ, что если неговорящее дитя узнаетъ свою мать и радостно тянется къ ней, то оно имѣетъ уже, такъ сказать, отвлеченный ея образъ, т. е. такой, который хотя и относится къ одному предмету, но не заключаетъ въ себѣ несходныхъ чертъ, данныхъ въ разновременныхъ воспріятіяхъ этого предмета (напр. мать могла быть въ разное время въ разныхъ платьяхъ, могла стоять, ходить, сидѣть, когда смотрѣлъ на нее ребенокъ). Присоединимъ къ этому слово. Дитя разныя воспріятія матери называетъ однимъ и тѣмъ же словомъ мама; воспріятія одной и той же собаки, но въ разныхъ положеніяхъ, и разныхъ собакъ, различныхъ по шерсти, величинѣ, формамъ, вызываютъ въ немъ одно и тоже слово, положимъ, цюця¹⁾.

Новыя апперципируемыя воспріятія будутъ переменчивыми субъектами, коихъ предикатъ остается на столько неизмѣннымъ, что постоянно выражается однимъ и тѣмъ-же словомъ. Ребенокъ рано или поздно замѣтитъ, что среди волненія входящихъ въ его сознаніе воспріятій, изъ коихъ каждая группа или лишена извѣстныхъ стихій, находящихся въ другой, или имѣетъ въ себѣ такія, какихъ

¹⁾ Предполагаемъ, что это слова первобытныя, ономато-поэтическія и лишеныя еще всякихъ грамматическихъ опредѣленій; но это собственно фикція, потому-что напр. слово цюця носитъ на себѣ слѣды многихъ внутреннихъ и внѣшнихъ измѣненій. Оно, во первыхъ, существительное, подобно всѣмъ остальнымъ въ нашихъ языкахъ имѣющее чисто формальное окончаніе; во вторыхъ, имѣетъ удвоеніе, котораго нельзя предполагать въ корнѣ (кор. вѣроятно ку. Ср. греч. *κῆ-ων*, лит. *szi*, лат. *ca-nis* отлично по гласной) и по звукамъ гармонируетъ съ малорусскимъ нар., относительно позднимъ.

не заключаетъ въ себѣ другая, остается неподвижнымъ только звукъ и соединенное съ нимъ представленіе, и что, между-тѣмъ, слово относится одинаково ко всѣмъ однороднымъ воспріятіямъ. Такимъ образомъ полагается начало созданію категоріи субстанціи, вещи самой по себѣ, и дѣлается шагъ къ познанію истины. Дѣйствительное знаніе для человѣка есть только знаніе сущности; разнообразныя признаки a, b, c, d , замѣчаемые въ предметѣ, не составляютъ самаго предмета A , ни взятые порознь (потому что, очевидно, цвѣтъ шерсти собаки и пр. не есть еще собака), ни въ своей совокупности, во первыхъ потому, что эта совокупность есть сумма, множественность, а предметъ есть для насъ всегда единство; во вторыхъ потому, что A , какъ предметъ, должно для насъ заключать въ себѣ не только сумму извѣстныхъ намъ признаковъ $a+b+c$, но и возможность неизвѣстныхъ $x+y...$, должно быть чѣмъ-то отличнымъ отъ своихъ признаковъ, и между тѣмъ объединяющимъ ихъ и условливающимъ ихъ существованіе. Въ словѣ, какъ представленіи единства, и общности образа, какъ замѣнѣ случайныхъ и измѣнчивыхъ сочетаній, составляющихъ образъ, постояннымъ представленіемъ (которое, припомнимъ, въ первобытномъ словѣ не есть ни дѣйствіе, ни качество), человѣкъ впервые приходитъ къ сознанію бытія темнаго зерна предмета, къ знанію дѣйствительнаго предмета ¹⁾.

При этомъ слѣдуетъ помнить, что конечно такое значеніе не есть истина, но указываетъ на существованіе истины гдѣ-то вдали, и что вообще человѣка характеризуетъ не знаніе истины, а стремленіе, любовь къ ней, убѣжденіе въ ея бытіи.

Апперципируя въ словѣ воспріятіе, вновь появившееся въ сознаніи, и произнося только одно слово, имѣющее значеніе предиката, человѣкъ уничтожаетъ первоначальное безразличіе членовъ апперцепціи, особеннымъ образомъ отгѣняетъ важнѣйшій изъ этихъ членовъ, именно предикатъ, дѣлая его вторично предметомъ своей мысли.

Чтобы видѣть, чего недостаетъ такому неполному господству языка, въ чемъ несовершенство мысли, которая высказывается только отрывистымъ словомъ, довольно сравнить такое единичное живое слово съ сочетаніемъ словъ. „Цюця!“ значитъ: вновь входя-

¹⁾ „Какъ безъ языка, говорить Гумбольтъ, невозможно понятіе, такъ безъ него не было бы для души и предмета, потому что и всякій ви́шній предметъ только посредствомъ понятія получаетъ для нея полную существенность“. Ueb. die Versch. 59. Мы прибавимъ, что понятіе развиваетъ только то, что дано уже до него.

цій въ мое сознаніе образъ есть для меня та сущность, которую я такимъ-то образомъ (посредствомъ такой-то внутренней формы) представляю въ словѣ *цуюця*; предметъ самъ по себѣ еще не отдѣленъ здѣсь отъ своихъ свойствъ и дѣйствій, потому что эти послѣдніе заключаются и въ новомъ воспріятіи и въ апперципирующемъ его образѣ. Не то уже въ сложномъ реченіи первобытнаго языка, соответствующемъ нашему „собака лаетъ“; здѣсь не только въ словѣ сознана сущность собаки, но и явственно выдѣленъ одинъ изъ признаковъ, темною массою облегающихъ эту сущность. Если отдѣльное слово въ рѣчи есть представленіе, то сочетаніе двухъ словъ можно бы, слѣдя Штейнталу, назвать представленіемъ представленія ¹⁾; если одинокое представленіе было первымъ актомъ разложенія чувственного образа, то фраза изъ двухъ словъ будетъ вторымъ, построеннымъ уже на первомъ. Это можно видѣть изъ того, что аттрибутировать, сознанный посредствомъ слова, въ свою очередь получаетъ субстанціальность и можетъ стать средоточіемъ круга аттрибутовъ, такъ-что напр. только тогда, когда съ словомъ, объединяющимъ весь кругъ признаковъ образа собаки, соединится другое слово, обозначающее только одинъ изъ этихъ признаковъ (собака *лаетъ*), только тогда и въ самомъ признакѣ *лая* могутъ открыться свои признаки. Но какимъ образомъ слово изъ предиката становится субъектомъ, изъ обозначенія всей совокупности признаковъ посредствомъ одного—обозначеніемъ одного только признака? На это не находимъ у Штейнтала удовлетворительнаго отвѣта. Онъ говоритъ только, что наступаетъ пора, когда слово, бывшее до того предикатомъ, „становится субъектомъ измѣнчивыхъ признаковъ, которые получаютъ силу предикатовъ. Только тогда слово (какъ субъектъ) получаетъ значеніе субстанции предмета, и предметъ отдѣляется отъ своихъ дѣятельностей и свойствъ. Тогда и воспріятія (die Wahrnehmungen) этихъ измѣнчивыхъ свойствъ и дѣятельностей везбуждаютъ интересъ дѣтской души и рефлектируются въ звукахъ“ ²⁾. Онъ говоритъ вслѣдъ за тѣмъ, что первобытный человѣкъ *создаетъ* такіе звуки; но это невозможно: по его собственной теоріи, какъ мы ее понимаемъ, слово можетъ быть первоначально только полнымъ безразличіемъ дѣятельности и качества съ одной и предмета съ другой стороны, но никакъ не обозначеніемъ качества или дѣйствія самихъ по себѣ; не можетъ быть прямого перехода отъ такой простой

¹⁾ Gr. L. u. Ps. 328—9.

²⁾ Gr. L. u. Ps. 327.

апперцепции, какъ напр. (это, т. е. новое воспріятіе есть) „мама!“ къ такой, гдѣ „мама“ есть уже субъектъ предиката, означающаго отвлеченное дѣйствіе или качество. Намъ, стоящимъ на степени развитія своего языка, весьма трудно, говоря о далекомъ прошедшемъ, отдѣлаться отъ того, что внесено въ нашу мысль этимъ языкомъ. Если даже изъ сказуемаго „идеть“ отдѣлимъ всѣ формальныя опредѣленія, дѣлающія изъ него третье лицо глагола настоящаго времени, и оставимъ одно только коренное *и*, то и тогда намъ будетъ казаться, что это *и* не обнаруживаетъ особеннаго сродства ни съ однимъ кругомъ воспріятій и безразлично указываетъ на свойство или дѣйствіе, которое можетъ одинаково встрѣтиться во всякомъ изъ нихъ, что поэтому уже при самомъ своемъ рожденіи оно было результатомъ сліянія воспріятій движенія, взятыхъ изъ разныхъ чувственныхъ образовъ. Это такъ кажется потому, что къ самому началу языка мы относимъ ту всестороннюю связь языка между его корнями, которая на дѣлѣ можетъ быть только слѣдствіемъ продолжительныхъ усилій мысли. Можно однако, если не ошибаемся, сдѣлать нѣкоторыя поправки въ этомъ взглядѣ и указать приблизительно на то значеніе, какое имѣло первоначальное соединеніе двухъ словъ.

Обыкновенно отличаютъ сужденія аналитическія отъ синтетическихъ. Въ первыхъ предикатъ есть только явственное повтореніе момента, скрытаго въ субъектѣ, такъ что все сужденіе представляется разложениемъ одной мысленной единицы, напр. „вода бѣжить“, „золото желто“, т. е. вода+теченье, золото+желтизна даны уже въ неразрѣшенномъ сужденіи чувственномъ образѣ воды, золота; во вторыхъ, предикатъ по отношенію къ субъекту есть нѣчто новое, немислимое непосредственно въ этомъ послѣднемъ, но связанное съ нимъ посредствующимъ рядомъ мыслей, напр. „сумма угловъ въ треугольникѣ равна двумъ прямымъ“ или „часы похожи на людей“ (гдѣ между соединяемыми членами часы+сходство съ людьми есть среднее, напр. и часы, и люди лѣтомъ ходятъ медленнѣе, чѣмъ зимою). Не думая изглаживать разницу между этими сужденіями, можно замѣтить, что даже въ строго-синтетическихъ сужденіяхъ, въ конхъ соединеніе членовъ есть слѣдствіе умозаключенія, можно видѣть разложеніе одного круга мыслей, потому-что должна-же въ самомъ субъектѣ заключаться причина, почему онъ требуетъ именно такого предиката и, наоборотъ, предикатъ долженъ указывать на необходимость соединенія съ тѣмъ, а не другимъ субъектомъ. Если прибавимъ къ этому, что синтетическое сужденіе, какъ пред-

полагающее болѣе усилій ума, должно появиться позже, что должно было быть время исключительнаго господства аналитическихъ сужденій изъ непосредственно чувственнаго воспріятія; то согласимся, что вообще предложенія и сужденія не сложены изъ двухъ представленій или понятій, но чувственный образъ, слѣдовательно единство, есть первое, а сужденіе есть уже разложеніе этого единства“ ¹⁾). Однако, съ точки языка нужно прибавить, что такое разложеніе чувственнаго образа можетъ осуществиться только посредствомъ соединенія его съ другою подобною единицею, такъ-что въ сужденіи, насколько оно выражено сочетаніемъ не менѣе двухъ словъ, можно видѣть не только разложеніе единицы, но и появленіе единства изъ двойственности. Отношеніе этого къ вопросу о первоначальномъ значеніи предложенія пояснимъ немногими примѣрами. Предположимъ, что слово *вода* есть привычное сказуемое для входящихъ въ сознаніе и требующихъ апперцепціи чувственныхъ воспріятій воды, сказуемое, которое не означаетъ еще исключительно предмета, но представляетъ сознанію весь чувственный образъ воды посредствомъ признака *течь* (ср. лат. *Ud-us*, мокрый, влажный, греч. *ὕδωρ* и русск. собственное имя рѣки Уды). Послѣдовательно будетъ принять, что и наши слова *святить*, *свѣтлый*, очищенные отъ формальныхъ частицъ и возведенныя къ первобытной формѣ, означали опредѣленный образъ, какъ безразличную совокупность субстанціи и атрибутовъ, посредствомъ признака *святить*. Въ первообразѣ предложенія „вод (а) свѣт (ла)“ составныя части еще не теряютъ свойствъ, принадлежавшихъ имъ, когда онѣ употреблялись только порознь. Если въ новомъ воспріятіи воды глазъ пораженъ ея прозрачностью или отраженіемъ въ ней солнечнаго свѣта, то это воспріятіе сначала все-же апперципируется словомъ *вода* (при чемъ произойдетъ сужденіе, соотвѣтствующее нашему: (это) вода!), но вслѣдъ за тѣмъ вызоветъ въ сознаніе совершенно другой образъ и вторично апперципируется связаннымъ съ этимъ послѣднимъ словомъ *свѣт* (ла). Обозначивши новое воспріятіе черезъ *x*, первое входящее въ сознаніе слово черезъ *a*, второе черезъ *b*, можемъ выразить весь процессъ такимъ образомъ: $x = a = b$; но *x* не выражается словомъ и не сознается, а потому для сознанія остается только $a = b$. Смыслъ предложенія будетъ: представляемое мною въ словѣ *вода* дѣйствуетъ на меня такъ или есть для меня то, что представляемое мною въ словѣ

¹⁾ Steinth. Gr. L. und Ps. 330. Св. Waitz Lehrh., der Ps. 533 -4.

свѣтъ (ла). Точно такъ слово зеленый въ старину не только имѣло менѣе опредѣленное значеніе, чѣмъ то, какое мы придаемъ ему теперь, не только означало свѣтлый цвѣтъ вообще, но и безъ сомнѣнія явственно обнаруживало связь съ опредѣленнымъ чувственнымъ образомъ свѣтлаго предмета, хотя нельзя сказать съ какимъ именно. Чувственный образъ звука, цвѣта есть самъ въ себѣ противорѣчіе, потому что мы видимъ не одинъ цвѣтъ, а цвѣтной предметъ, и даже звукъ, котораго дѣйствительный источникъ можетъ отъ насъ скрываться, мы приурочиваемъ къ тому предмету, со стороны коего онъ слышенъ. Названія нѣкоторыхъ цвѣтовъ еще и теперь явственно указываютъ на чувственные образы, изъ коихъ они выдѣлены: какъ голубой есть цвѣтъ голубя, соловой—соловья, поль. *niebieski*—цвѣтъ неба, такъ и зеленый сначала мыслилось не отдѣльно, какъ качество, а въ чувственномъ образѣ, который обнималъ предметъ, дѣйствіе и качество и обозначался, положимъ, словомъ гар или гр. (ср. малор. *грянный*, зеленый, и обычный переходъ *г* въ *з*, *р* въ *л*) Когда слово это соединилось со словомъ трава (внутренняя форма коего, видная въ корнѣ тру-(ти), ѣсть, жрать, откуда о-тру-та и о-трав-а), то тѣмъ самымъ создалось и отношеніе двухъ до того раздѣльныхъ чувственныхъ образовъ, и предложеніе „трава зелена“ значило: „то, что я представляю снѣдью значить для меня то, что я представляю свѣтлымъ“. Мы не можемъ себѣ представить первоначальнаго предложенія иначе, какъ въ видѣ явственнаго для говорящаго сравненія двухъ самостоятельно сложившихся чувственныхъ образовъ, и по этому поводу напомнимъ сдѣланное выше опредѣленіе слова вообще, какъ средства апперцепціи или, что тоже, средства сравненія. Въ языкѣ нѣтъ собственныхъ выраженій, и чѣмъ болѣе точному анализу подвергнемъ мы слово, тѣмъ болѣе сходства обнаружить оно съ символическими выраженіями позднѣйшей народной поэзіи, съ тою, конечно, разницею, что послѣднія въ общей массѣ будутъ гораздо сложнѣе и отвлеченнѣе первобытныхъ иско-
мыхъ реченій.

Согласившись видѣть сравненія въ первобытныхъ предложеніяхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны будемъ принять ихъ несовершенство и недостаточность для цѣлой мысли. Какъ бы ни было прекрасно сравненіе, но оно заставляетъ насъ думать о многомъ, что вовсе не составляетъ необходимой принадлежности мыслимаго субъекта, оно насъ развлекаетъ или, лучше сказать, само есть отсутствіе той сосредоточенности, безъ которой нѣтъ строгаго мышленія. Положимъ, что сравненіе старыхъ супруговъ съ двумя пнями

безъ отпрысковъ (серб. „Као два одејена паня“) говоритъ намъ о сиротствѣ, бездѣтности; но этотъ предикатъ непосредственно присоединяется къ субъекту и заставляетъ насъ перейти отъ человѣка къ дереву, жизнь котораго въ сущности совершенно отлична отъ человѣческой, присоединяетъ къ мысли о бездѣтной старости человѣка много такого, что, съ нашей точки, не должно бы заключаться въ этой мысли. Тоже слѣдуетъ сказать о первоначальномъ значеніи предложеній „вода свѣтла“, трава зелена“: они еще слишкомъ напоминали случайную ассоціацію воспріятій, хотя уже не были ею въ дѣйствительности. Отвѣтъ на возникающій отсюда вопросъ о средствахъ, какими мысль достигаетъ той степени отвлеченности, которая даетъ намъ возможность принимать сравненія за собственные выраженія и непосредственно, не думая о постороннемъ, находить въ субъектѣ извѣстные признаки; отвѣтъ на это найдется, если сообразимъ слѣдующее. Сказуемое въ предложеніи „трава зелена“, разсматриваемое отдѣльно отъ подлежащаго, есть для насъ не цвѣтъ извѣстнаго предмета, а зеленый цвѣтъ вообще, потому что мы забыли и внутреннюю форму этого слова, и тотъ опредѣленный кругъ признаковъ (образъ), который доводился ею до сознанія; точно-такъ и подлежащее трава даетъ намъ возможность безъ всякихъ фигуръ присоединить къ нему извѣстное сказуемое, потому что для насъ это слово обозначаетъ не „служащее въ пищу“, а траву вообще, какъ субстанцію, готовую принять всякій атрибутъ. Такое забвеніе внутренней формы можетъ быть удовлетворительно выведено изъ многократнаго повторенія процесса соединенія словъ въ двучленные единицы. Чѣмъ съ большимъ количествомъ различныхъ подлежащихъ соединялось сказуемое зеленый, тѣмъ болѣе терялись въ массѣ другихъ признаки образа, первоначально съ нимъ связаннаго. Способность забвенія и здѣсь, какъ при объединеніи чувственнаго образа до появленія слова, является средствомъ отгнать и выдвинуть впередъ извѣстныя черты воспріятій. Но оставляемое такимъ образомъ въ тѣни не пропадаетъ даромъ, потому что, съ другой стороны, чѣмъ больше различныхъ сказуемыхъ перебивало при словѣ трава, тѣмъ на большее количество сужденій разложился до того нераздѣльный образъ травы. Субстанція травы, очищаясь отъ всего посторонняго, вмѣстѣ съ тѣмъ обогащается атрибутами.

Всякое сужденіе есть актъ апперцепціи, толкованія, познанія, такъ что совокупность сужденій, на которыя разложился чувствен-

ный образъ, можемъ назвать аналитическимъ познаниемъ образа. Такая совокупность есть понятіе.

Потому же, почему разложеніе чувственного образа невозможно безъ слова, необходимо принять и необходимость слова для понятія. Мы еще разъ приведемъ относящееся сюда мѣсто Гумбольта, гдѣ теперь легко будетъ замѣтить важную черту, дополняющую только-что сказанное о понятіи. „Интеллектуальная дѣятельность, вполне духовная и внутренняя, проходящая нѣкоторымъ образомъ безслѣдно, въ звукѣ рѣчи становится чѣмъ-то внѣшнимъ и ощутимымъ для слуха... Она (эта дѣятельность) и сама по себѣ (независимо отъ принимаемаго здѣсь Гумбольтомъ тождества съ языкомъ) заключаетъ въ себѣ необходимость соединенія со звукомъ: безъ этого *мысль не можетъ достигнуть ясности, представленіе* (т. е. по принятой нами терминологіи, чувственный образъ) *не можетъ стать понятіемъ* ¹⁾. Здѣсь признается тождественность *ясности мысли и понятія*, и это вѣрно, потому что образъ, какъ безыменный конгломератъ отдѣльных актовъ души, не существуетъ для самосознанія и *уясняется* только по мѣрѣ того, какъ мы раздробляемъ его, превращая посредствомъ слова въ сужденія, совокупность коихъ составляетъ понятіе. Значеніе слова при этомъ обуславливается его чувственностью. Въ ряду сужденій, развивающемся изъ образа, послѣдующія возможны только тогда, когда предшествующія объективированы въ словѣ. Такъ, шахматному игроку нужно видѣть передъ собою доску, съ расположенными на ней фигурами, чтобы дѣлать ходы, сообразные съ положеніемъ игры: какъ для него сначала смутный и шаткій планъ уясняется по мѣрѣ своего осуществленія, такъ для мыслящаго — мысль по мѣрѣ того, какъ выступаетъ ея пластическая сторона въ словѣ и вмѣстѣ, какъ разматывается ея клубокъ. Можно играть и не глядя на доску, при чемъ непосредственное чувственное воспріятіе доски и шашекъ замѣняется воспоминаніемъ; явленіе это только потому принадлежитъ къ довольно рѣдкимъ, что такое крайне-спеціализированное мышленіе, какъ шахматная игра, лишь для немногихъ есть дѣло жизни. Подобнымъ образомъ можно думать безъ словъ, ограничиваясь только болѣе-менѣе явственными указаніями на нихъ или-же прямо на самое содержаніе мыслимаго, и такое мышленіе встрѣчается гораздо чаще (напр. въ наукахъ, отчасти замѣняющихъ слова формулами), именно вслѣдствіе своей большей важности и связи со многими сто-

¹⁾ Ueb. die Versch. 51.

Совокупность суждений на которыхъ разсуждается чувственный образъ, можется называться

ронами человѣческой жизни. Не слѣдуетъ однако забывать, что умѣнье думать по человѣчески, но безъ словъ, дается только словомъ, и что глухонѣмой безъ говорящихъ или выученныхъ говорящими учителями, вѣкъ оставался бы почти животнымъ.

Съ ясностію мысли, характеризующею понятіе, связано другое его свойство, именно то, что только понятіе (а вмѣстѣ съ тѣмъ и слово, какъ необходимое его условіе) вноситъ идею законности, необходимости, порядка въ тотъ міръ, которымъ человѣкъ окружаетъ себя и который ему суждено принимать за дѣйствительный. Если уже, говоря о человѣческой чувственности, мы видѣли въ ней стремленіе, объективно оцѣнивая воспріятія, искать въ нихъ самихъ внутренней законности, строить изъ нихъ систему, въ которой отношенія членовъ столь-же необходимы, какъ и члены сами по себѣ; то это было только признаніемъ невозможности иначе отличить эту чувственность отъ чувственности животныхъ. На дѣлѣ упомянутое стремленіе становится замѣтнымъ только въ словѣ и развивается въ понятіи. До сихъ поръ форму вліянія предшествующихъ мыслей на послѣдующія мы одинаково могли называть сужденіемъ, апперцепціею, связывала ли эта послѣдняя образы или представленія и понятія; но принимая бытіе познанія, исключительно свойственнаго человѣку, мы тѣмъ самымъ отличали извѣстный родъ апперцепціи отъ простаго отнесенія новаго воспріятія къ сложившейся прежде схемѣ. Здѣсь только яснѣе скажемъ, что собственно человѣческая апперцепція, сужденіе представленія и понятія, отличается отъ животной тѣмъ, что рождаетъ мысль о необходимости соединенія своихъ членовъ. Эта необходимость податлива: предъ лицомъ всякаго новаго сочетанія, уничтожающаго прежнія, эти послѣднія являются заблужденіемъ; но и то, что признано нами за ошибку, въ свое время имѣло характеръ необходимости, да и самое понятіе о заблужденіи возможно только въ душѣ, которой доступна его противоположность. Когда Филиппъ сказалъ Наѳанаилу: „мы нашли того, о комъ писалъ Моисей въ законѣ и пророки, Іисуса, сына Іосифова, изъ Назарета“, и когда Наѳанаиль отвѣчалъ ему: „можетъ-ли что путнее быть изъ Назарета“, онъ, какъ самъ потомъ увидѣлъ, ошибался, но очень неполное понятіе о человѣкѣ, родомъ изъ Назарета, было для него готовою нормою, съ которою необходимо должно было сообразоваться все, что будетъ отнесено къ ней впоследствии. Такіе примѣры на каждомъ шагу въ жизни. Не останавливаясь на такихъ однородныхъ съ упомянутымъ случаямъ, какъ употребленіе руководящихъ нашимъ мнѣніемъ понятій кацапа, хохла, цыгана, жида

Собакевича, Манилова, мы замѣтимъ, что и тамъ, гдѣ нѣтъ клички, нѣтъ ни явственной похвалы, ни порицанія, общее служить однако закономъ частному. Если извѣстная пословица „курица не птица, прапорщикъ не офицеръ“ предполагаетъ знаніе, какова должна быть настоящая птица, настоящій офицеръ, то опредѣляющее понятіе или слово въ простомъ утвержденіи „это—птица“ или „птица“! должно тоже содержать въ себѣ законъ объясняемаго, хотя въ выраженіи „птица“, въ которомъ одинъ членъ апперцепціи—еще чувственное воспріятіе, не получившее обдѣлки, необходимой для дальнѣйшихъ успѣховъ мысли, этотъ законъ—еще только въ зародышѣ. Такимъ законодательнымъ схемамъ подчиняетъ человѣкъ и всѣ свои дѣйствія. Произволь, собственно говоря, возможенъ только на дѣлѣ, а не въ мысли, не на словахъ, которыми человѣкъ объясняетъ свои побужденія. Самодуръ, въ распlohъ принужденный къ отвѣту, на чемъ онъ основываетъ свою дурь, скажетъ: „я такъ хочу“, отвергая всякую мѣру своихъ дѣйствій, сошлется однако на свое я, какъ на законъ. Но онъ самъ недоволенъ своимъ отвѣтомъ и сдѣлалъ его только потому, что не нашелъ другого. Кажется труднымъ представить себѣ „*sic volo*“, сказанное не въ шутку, но безъ гнѣва. Въ недалекомъ отъ него, но болѣе спокойномъ „такой ужъ у меня норовъ“, слышится извиненіе и болѣе явственное сознание необходимости, съ какою изъ извѣстныхъ нравственныхъ качествъ вытекаютъ тѣ, а не другія дѣйствія. Чаше произволь ищетъ оправданія въ себя, въ мысли, что „на томъ свѣтѣ стоитъ“ и т. п., при чемъ ясно выступаетъ сознание закона отдѣльныхъ явленій. Какъ сами себя осуждаемъ за „*sic volo*“, такъ вчужѣ то, для чего не можемъ приискать закона, что „ни ракъ, ни рыба“, тѣмъ самымъ становится для насъ достойнымъ порицанія.

Изъ сказаннаго можно видѣть, чего мы не предполагаемъ въ соотвѣствующихъ человѣческимъ формамъ душевной дѣятельности животныхъ. Если собака обнаруживаетъ радость при стукѣ тарелокъ, или если отогнанная гуртовщикомъ скотина реветъ, не встрѣчая знакомыхъ предметовъ, если птица съ крикомъ кружится надъ разореннымъ гнѣздомъ, то въ первомъ случаѣ произошло нѣчто въ родѣ положительнаго сужденія (новое воспріятіе есть сумма прежнихъ, т. е. сливается съ ними), въ двухъ другихъ—нѣчто въ родѣ сужденія отрицательнаго (новое не есть прежнее, т. е. не сливается со входящимъ въ сознание прежнимъ). Но нигдѣ нѣтъ внутренняго единства между членами сочетанія, потому что нигдѣ одинъ членъ не является закономъ, который бы управлялъ другимъ. Внутреннее един-

ство, противоположное механичности сочетанія, тождественно для насъ съ сознаниемъ необходимости или случайности. Это единство сводится на отношеніе между предметомъ и его признакомъ, субстанціею и атрибутомъ или акциденціею. Въ животномъ мы потому же отрицаемъ сознание необходимости, почему не приписываемъ ему вообще способности критически относиться къ механическому теченію своихъ воспріятій, почему не предполагаемъ въ немъ разложенія чувственныхъ данныхъ на предметы и признаки ¹⁾).

Слово не есть, какъ и слѣдуетъ изъ предыдущаго, внѣшняя прибавка къ готовой уже въ человѣческой душѣ идеѣ необходимости. Оно есть вытекающее изъ глубины человѣческой природы средство создавать эту идею, потому что только посредствомъ него происходитъ и разложеніе мысли. Какъ въ словѣ впервые человѣкъ сознаетъ свою мысль, такъ въ немъ же прежде всего онъ видитъ ту законность, которую потомъ переноситъ на міръ. Мысль, вскормленная словомъ, начинаетъ относиться непосредственно къ самимъ понятіямъ, въ нихъ находить искомое знаніе, на слово же начинаетъ смотрѣть какъ на посторонній и произвольный знакъ, и представляетъ спеціальной наукѣ искать необходимости въ цѣломъ зданіи языка и въ каждомъ отдѣльномъ его камнѣ.

Столь же важную роль играетъ слово и относительно другого свойства мысли, нераздѣльнаго съ предшествующимъ, именно относительно стремленія всему назначать свое мѣсто въ системѣ. Какъ необходимость достигаетъ своего развитія въ понятіи и наукѣ, исключаящей изъ себя все случайное, такъ и наклонность систематизировать удовлетворяется наукою, въ которую не входитъ безсвязное. Путь наукъ уготовляется словомъ. „Нерѣдко, говоритъ Лоце, кажется будто мы неполнѣ знаемъ извѣстный предметъ, свойства коего мы изслѣдовали со всѣхъ сторонъ, полный образъ коего мы уже составили, если не знаемъ его имени. Повидимому только звукъ слова мгновенно разсѣваетъ эту тьму, хотя этотъ звукъ ничего не прибавляетъ къ содержанію, хотя далеко не всегда слово объясняетъ предметъ указаніемъ его мѣста въ ряду другихъ или въ объемѣ высшаго понятія“ (сочетанія въ родѣ нашихъ: *трость*—*дерево*, *кутъ*—*рыба*, нѣм. *Wallfisch*, *Rennthier*—довольно рѣдки). „Ботанизирующей молодежи доставляетъ удовольствіе узнавать латинскія названія растений“, или, чтобы взять болѣе знакомый намъ примѣръ, мы заботливо узнаемъ у ямщика имя встрѣчной деревушки, хотя что же

¹⁾ Cp. Lotze, Mikrokosm. I, 253—6; II, 231—2, 277—8, 280—3.

намъ даетъ, повидимому, собственное имя? „Намъ мало воспріятія предмета; чтобы имѣть право на бытіе, этотъ предметъ долженъ быть частью расчлененной системы, которая имѣетъ значеніе сама по себѣ, независимо отъ нашего знанія. Если мы не въ силахъ дѣйствительно опредѣлить мѣсто, занимаемое извѣстнымъ явленіемъ въ цѣломъ природы, то довольствуемся однимъ именемъ. Имя свидѣтельствуемъ намъ, что вниманіе многихъ другихъ покоилось уже на встрѣченномъ нами предметѣ; оно ручается намъ за то, что общій разумъ (Intelligenz), по крайней мѣрѣ, пытался уже и этому предмету назначить опредѣленное мѣсто въ единствѣ болѣе обширнаго цѣлага. Если имя и не даетъ ничего новаго, никакихъ частныхъ предмета, то оно удовлетворяетъ человѣческому стремленію постигать объективное значеніе вещей, оно представляетъ незнакомое намъ чѣмъ-то не безизвѣстнымъ общему мышленію человѣчества, но давно уже постановленнымъ на свое мѣсто. Потому то произвольно данное нами имя не есть имя; недостаточно назвать вещь, какъ попало: она дѣйствительно должна такъ называться, какъ мы ее зовемъ; имя должно быть свидѣтельствомъ, что вещь принята въ міръ общепризнаннаго и познаннаго и, какъ прочное опредѣленіе вещи, должно ненарушимо противустоять личному произволу“ ¹⁾. Все выписанное здѣсь кажется вполне справедливымъ и напоминаетъ мысль Гумбольта: „Sprechen heisst sein besonderes Denken an das allgemeine anknüpfen“, говорить значитъ связывать свою личную узкую мысль съ мышленіемъ своего племени, народа, человѣчества. Намъ остается только прибавить, что только въ ту пору, когда человѣку стала болѣе-менѣе доступна научная система понятій, слово на самомъ дѣлѣ вносить въ мысль весьма мало; первоначально же оно дѣйствительно даетъ новое содержаніе, указывая на отношенія мыслимой единицы къ ряду другихъ. Въ этомъ можно убѣдиться напр., изъ всякаго разумнаго, основаннаго на языкѣ, міеологическаго изслѣдованія. Въ извѣстные періоды живость внутренней формы даетъ мысли возможность проникать въ прозрачную глубину языка; слово, обозначающее, положимъ, старость человѣка, своимъ сродствомъ со словами для дерева указываетъ на міеъ о происхожденіи людей изъ деревьевъ, по своему связываетъ человѣка и природу, вводитъ слѣдовательно мыслимое при словѣ *старость* въ систему своеобразную, несоотвѣтствующую научной, но предполагаемую ею.

¹⁾ Lotze Mikr. II, 238—9.

Указанныя до сихъ поръ отношенія понятія къ слову сводятся къ слѣдующему: слово есть средство образованія понятія, и притомъ не вѣншее, не такое, каковы изобрѣтенныя человѣкомъ средства писать, рубить дрова и проч., а внушенное самою природою чело-вѣка и незамѣнимое; характеризующая понятіе ясность (раздѣльность признаковъ), отношеніе субстанціи къ атрибуту, необходимость въ ихъ соединеніи, стремленіе понятія занять мѣсто въ системѣ: все это первоначально достигается въ словѣ и прообразуется имъ такъ, какъ рука прообразуетъ всевозможныя машины. Съ этой стороны слово сходно съ понятіемъ, но здѣсь же видно и различіе того и другого.

Понятіе, разсматриваемое психологически, т. е. не съ одной только стороны своего содержанія, какъ въ логикѣ, но и со стороны формы своего появленія въ дѣйствительности, однимъ словомъ—какъ дѣятельность, есть извѣстное количество сужденій, слѣдовательно не одинъ актъ мысли, а цѣлый рядъ ихъ. Логическое понятіе, т. е. одновременная совокупность признаковъ, отличенная отъ агрегата признаковъ въ образѣ, есть фикція, впрочемъ совершенно необходимая для науки. Несмотря на свою длительность, психологическое понятіе имѣетъ внутреннее единство. Въ нѣкоторомъ смыслѣ оно заимствуетъ это единство отъ чувственного образа, потому что, конечно, если бы напримѣръ образъ дерева не отдѣлился отъ всего посторонняго, которое воспринималось вмѣстѣ съ нимъ, то и разложеніе его на сужденія съ общимъ субъектомъ было бы невозможно; но какъ о единствѣ образа мы знаемъ только черезъ представленіе и слово, такъ и рядъ сужденій о предметѣ связывается для насъ тѣмъ же словомъ. Слово можетъ, слѣдовательно, одинаково выражать и чувственный образъ, и понятіе. Впрочемъ чело-вѣкъ, нѣкоторое время пользовавшійся словомъ, развѣ только въ очень рѣдкихъ случаяхъ будетъ разумѣть подъ нимъ чувственный образъ, обыкновенно же думаетъ при немъ рядъ отношеній: легко представить себѣ, что слово *солнце* можетъ возбуждать одно только воспоминаніе о свѣтломъ солнечномъ кругѣ; но не только астронома, а и ребенка или дикаря оно заставляетъ мыслить рядъ сравненій солнца съ другими примѣтами, т. е. понятіе, болѣе или менѣе совершенное, смотря по развитію мыслящаго, напр. солнце—меньше (или же многимъ больше) земли; оно колесо (или имѣетъ сферическую форму); оно благодѣтельное или опасное для чело-вѣка божество (или безжизненная матерія, вполне подчиненная механическимъ законамъ) и т. д. Мысль наша, по содержанію, есть или образъ, или понятіе; третьяго средняго между тѣмъ и другимъ нѣтъ; но на поясненіи слова понятіемъ или обра-

зомъ мы останавливаемся только тогда, когда особенно имъ заинтересованы, обыкновенно же ограничиваемся однимъ только словомъ. Поэтому мысль со стороны формы, въ какой она входитъ въ сознание, можетъ быть не только образомъ или понятіемъ, но и представленіемъ или словомъ. Отсюда ясно отношеніе слова къ понятію. Слово, будучи средствомъ развитія мысли, измѣненія образа въ понятіе, само не составляетъ ея содержанія. Если помнится центральный признакъ образа, выражаемый словомъ, то онъ, какъ мы уже сказали, имѣть значеніе не самъ по себѣ, а какъ знакъ, символъ извѣстнаго содержанія; если вмѣстѣ съ образованіемъ понятія теряется внутренняя форма, какъ въ большей части нашихъ словъ, принимаемыхъ за коренныя, то слово становится чистымъ указаніемъ на мысль, между его звукомъ и содержаніемъ не остается для сознанія говорящаго ничего средняго. Представлять значить, слѣдовательно, думать сложными рядами мыслей, не вводя почти ничего изъ этихъ рядовъ въ сознание. Съ этой стороны значеніе слова для душевной жизни можетъ быть сравнено съ важностью буквеннаго обозначенія численныхъ величинъ въ математикѣ, или со значеніемъ различныхъ средствъ, замѣняющихъ непосредственно цѣнные предметы (напр. денегъ, векселей) для торговли. Если сравнить созданіе мысли съ приготовленіемъ ткани ¹⁾, то слово будетъ ткацкій челнокъ, разомъ проводящій утокъ въ рядъ нитей основы и замѣняющій медленное плетенье ²⁾. Поэтому несправедливо было бы упрекать языкъ въ томъ, что онъ замедляетъ теченіе нашей мысли. Нѣтъ сомнѣнія, что тѣ дѣйствія нашей мысли, которыя въ мгновеніе своего совершенія не нуждаются въ непосредственномъ пособіи языка, происходятъ очень быстро. Въ обстоятельствахъ, требующихъ немедленнаго соображенія и дѣйствія, напр. при неожиданномъ вопросѣ, когда многое зависитъ отъ того, каковъ будетъ нашъ отвѣтъ, человѣкъ до отвѣта въ одно почти недѣлимое мгновеніе можетъ безъ словъ передумать весьма многое. Но языкъ не отнимаетъ у человѣка этой спо-

¹⁾ Zwar ist's mit der Gedanken-Fabrik,
Wie mit einem Weber-Meisterstück,
Wo ein Tritt tausend Fäden regt,
Die Schiffllein herüber hinüber schiessen,
Die Fäden ungesehen fließen,
Ein Schlag tausend Verbindungen schlägt.

(Faust).

²⁾ G. Steinthal, Zur Sprachphilos. Zeitschrift von Fichte und Ulrici, XXXII, 197—201.

способности, а напротивъ, если не даетъ, то по крайней мѣрѣ усиливаетъ ее. То, что называютъ житейскимъ, научнымъ, литературнымъ тактомъ, очевидно, предполагаетъ мысль о жизни, наукѣ, литературѣ,—мысль, которая не могла бы существовать безъ слова. Если бы человѣку доступна была только безсловесная быстрота рѣшенія, и если бы слово, какъ условіе совершенствованія, было нераздѣльно съ медленностію мысли, то все же эту медленность слѣдовало бы предпочесть быстротѣ. Но слово, раздробляя одновременные акты души на послѣдовательные ряды актовъ, въ тоже время служитъ опорой врожденнаго человѣку стремленія обнять многое однимъ нераздѣльнымъ порывомъ мысли. Дробность, дискурсивность мышленія, приписываемая языку, создала тотъ стройный міръ, за предѣлы коего мы, разъ вступивши въ нихъ, уже не выходимъ; только, забывая это, можно жаловаться, что именно языкъ мѣшаетъ намъ продолжать твореніе. Крайняя бѣдность и ограниченность сознанія до слова не подлежитъ сомнѣнію, и говорить о несовершенствахъ и вредѣ языка вообще было бы умѣстно только въ такомъ случаѣ, если бы мы могли принять за достояніе человѣка недостижимую цѣль его стремленій, божественное совершенство мысли, примиряющее полную наглядность и непосредственность чувственныхъ воспріятій съ совершенною одновременностію и отличностію мысли.

Слово можетъ быть орудіемъ съ одной стороны разложенія, съ другой—сгущенія мысли единственно потому, что оно есть представленіе, т. е. не образъ, а образъ образа. Если образъ есть актъ сознанія, то представленіе есть познаніе этого сознанія. Такъ какъ простое сознаніе есть дѣятельность не посторонняя для насъ, а въ насъ происходящая, обусловленная нашимъ существомъ, то сознаніе сознанія или *есть* то, что мы называемъ самосознаніемъ, или полагаетъ ему начало и ближайшимъ образомъ сходно съ нимъ. Слово рождается въ человѣкѣ невольно и инстинктивно, а потому и результатъ его, самосознаніе, должно образоваться инстинктивно. Здѣсь найдемъ противорѣчіе, если атрибутомъ самосознанія сдѣлаемъ свободу и намѣренность.

Если бы въ то самое мгновеніе, какъ я думаю и чувствую, мысль моя и чувство отражались въ самосознающемъ я, то дѣйствительно упомянутое противорѣчіе имѣло бы полную силу. На сторонѣ я, какъ объекта, была бы необходимость, съ какою представленія и чувства, смѣняя другъ друга, безъ нашего вѣдома образуютъ тѣ или другія сочетанія; на сторонѣ я, какъ субъекта, была-бы свобода, съ какою это внутреннее око то обращается къ

спенъ душевной жизни, то отвращается отъ нея. Я сознающее и я сознаваемое не имѣли бы ничего общаго: я, какъ объектъ, намъ извѣстно, измѣнчиво, усовершеннѣ; я, какъ субъектъ, неопредѣлѣ, потому что всякое его опредѣленіе есть содержаніе мысли, предметъ самосознанія, нетождественный съ самосознающимъ я; оно неизмѣнно и неусовершеннѣ, по-крайней-мѣрѣ неусовершеннѣ понятнымъ для насъ образомъ, потому что предикатовъ его, въ конхъ должно происходить измѣненіе, мы не знаемъ. Допустивши одновременность сознаваемого и сознающаго, мы должны отказаться отъ объясненія, почему самосознаніе пріобрѣтается только долгимъ путемъ развитія, а не дается намъ вмѣстѣ съ сознаниемъ.

Но опытъ показываетъ, что настоящее наше состояніе не принадлежитъ нашему наблюденію, и что замѣченное нами за собою принадлежитъ уже прошедшему. Дѣятельность моей мысли, становясь сама предметомъ моего наблюденія, измѣняется извѣстнымъ образомъ, перестаетъ быть собою; еще очевиднѣе, что сознаніе чувства, слѣдовательно мысль, не есть это чувство. Отсюда можно заключить, что въ самосознаніи душа не раздвояется на сознаваемое и чистое сознающее я, а переходитъ отъ одной мысли къ мысли объ этой мысли, т. е. къ другой мысли, точно такъ, какъ при сравненіи отъ сравниваемого къ тому, съ чѣмъ сравнивается. Затрудненія, встрѣчаемыя при объясненіи самосознанія, понятаго такимъ образомъ, тѣ же, что и при объясненіи простаго сравненія. Говоря, что сознаваемое въ процессѣ самосознанія есть прошедшее, мы сближаемъ его отношеніе къ сознающему я съ тѣмъ отношеніемъ, въ какомъ находится прочитанная нами первая половина періода ко второй, которую мы читаемъ въ данную минуту и которая, дополняя первую, сливается съ нею въ одинъ актъ мысли. Если я говорю: „Я думаю то-то“, то это можетъ значить, что я прилаживаю такую-то свою мысль, въ свое мгновеніе поглощавшую всю мою умственную дѣятельность, къ непрерывному ряду чувственныхъ воспріятій, мыслей, чувствъ, стремленій, составляющему мое я; это значить, что я апперципирую упомянутую мысль своимъ я, изъ котораго въ эту минуту можетъ находиться въ сознаніи очень немного. Апперципирующее не есть здѣсь неизмѣнное чистое я, а, напротивъ, есть нѣчто очень измѣнчивое, нарастающее съ общимъ нашимъ развитіемъ; оно не тождественно, но однородно съ апперципируемымъ, подлежащимъ самосознанію; можно сказать, что при самосознаніи данное состояніе души не отражается въ ней самой, а находится подъ наблюденіемъ другаго его состоянія, т. е. извѣстной, болѣе или

ментѣ опредѣленной мысли. Такъ напр., спрашивая себя, не про-
ронилъ ли я лишняго слова въ разговорѣ съ такимъ то, я стараюсь
дать отчетъ не чистому *я* и не всему содержанію своего эмпири-
ческаго *я*, а только одной мысли объ томъ, что слѣдовало мнѣ
говорить съ этимъ лицомъ, мысли, безъ сомнѣнія, связанной со
всѣмъ моимъ прошедшимъ. Такъ у психолога извѣстный научный
вопросъ, цѣль, для которой онъ наблюдаетъ за собою, есть вмѣстѣ
и наблюдающая, господствующая въ то время въ его сознаниі част-
ница его *я*. Разсматривая самосознаніе съ такой точки, съ которой
оно сходно со всякою другою апперцепціею, можно его вывести изъ
такихъ ненамѣренныхъ душевныхъ дѣйствій, какъ апперцепція въ
словѣ, т. е. представление.

Доказывая, что представленіе есть инстинктивное начало само-
сознанія, не слѣдуетъ однако упускать изъ виду, что содержаніе
самосознанія, т. е. раздѣленіе всего, что есть и было въ сознаниі
на *я* и не *я*, есть нѣчто постоянно развивающееся, и что конечно
въ ребенкѣ, только что начинающемъ говорить, не найдемъ того
отдѣленія себя отъ міра, какое находятъ въ себѣ развитый чело-
вѣкъ. Если для ребенка въ первое время его жизни все,
приносимое ему чувствами, все содержаніе его души есть еще
нерасчлененная масса, то конечно самосознанія въ немъ быть не
можетъ, но есть уже необходимое условіе самосознанія, именно не-
выразимое чувство непосредственной близости всего находящагося
въ сознаниі къ сознающему субъекту. Нѣкоторое понятіе объ этомъ
чувствѣ взрослый челоѣкъ можетъ получить, сравнивая живость
ощущеній, какими наполняютъ его текуція мгновенія жизни, съ тѣмъ
большимъ или меньшимъ спокойствіемъ, съ какимъ онъ съ высоты
настоящаго смотритъ на свое прошедшее, котораго онъ уже не
чувствуетъ своимъ, или—съ равнодушнымъ отношеніемъ челоѣка
къ внѣшнимъ предметамъ, не составляющимъ его личности. На пер-
выхъ порахъ для ребенка еще все—свое, еще все—его *я*, хотя
именно потому, что онъ не знаетъ еще внутренняго и внѣшняго,
можно сказать и наоборотъ, что для него вовсе нѣтъ своего *я*. По
мѣрѣ того, какъ извѣстныя сочетанія воспріятій отдѣляются отъ
этого темнаго грунта, слагаясь въ образы предметовъ, образуется и
самое *я*; составъ этого *я* зависитъ отъ того, на сколько оно выдѣ-
лило изъ себя и объективировало не—*я*, или, наоборотъ, отъ того,
насколько само выдѣлилось изъ своего міра: все равно, скажемъ ли
мы такъ или иначе, потому что исходное состояніе сознанія есть
полное безразличіе *я* и не *я*. Ходъ объективированія предметовъ мо-

жетъ быть иначе названъ процессомъ образованія взгляда на міръ: онъ не выдумка досужихъ головъ; разныя его степени, замѣтныя въ недѣлимомъ, повторяетъ въ колоссальныхъ размѣрахъ исторія челоѣчества. Очевидно напр., что когда міръ существовалъ для челоѣчества только какъ рядъ живыхъ, болѣе или менѣе челоѣкообразныхъ существъ, когда въ глазахъ челоѣка свѣтила ходили по небу не въ силу управляющихъ ими механическихъ законовъ, а руководясь своими соображеніями; очевидно, что тогда челоѣкъ менѣе выдѣлялъ себя изъ міра, что міръ его былъ болѣе субъективенъ, что тѣмъ самымъ и составъ его я былъ другой, чѣмъ теперь. Можно оставаться при успокоительной мысли, что наше собственное міросозерцаніе есть вѣрный снимокъ съ дѣйствительнаго міра, но нельзя же намъ не видѣть, что именно въ сознаніи заключались причины, почему челоѣку періода миѣовъ міръ представлялся такимъ, а не другимъ. Нужно ли прибавлять, что считать созданье миѣовъ за ошибку, болѣзнь челоѣчества, значить думать, что челоѣкъ можетъ разомъ начать со строго-научной мысли, значить полагать, что мотылекъ заблуждается, являясь сначала червякомъ, а не мотылькомъ?

Показать на дѣлѣ участіе слова въ образованіи послѣдовательнаго ряда системъ, обнимающихъ отношенія личности къ природѣ есть основная задача исторіи языка; въ общихъ чертахъ мы вѣрно поймемъ значеніе этого участія, если приняли основное положеніе, что языкъ есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее, что онъ не отраженіе сложившагося міросозерцанія, а слагающая его дѣятельность. Чтoby уловить свои душевныя движенія, чтобы осмыслить свои внѣшнія воспріятія, челоѣкъ долженъ каждое изъ нихъ объективировать въ словѣ и слово это привести въ связь съ другими словами. Для пониманія своей и внѣшней природы вовсе не безразлично, какъ представляется намъ эта природа, посредствомъ какихъ именно сравненій стали ощутительны для ума отдѣльныя ея стихіи, насколько истинны для насъ сами эти сравненія, однимъ словомъ—не безразличны для мысли: первоначальное свойство и степень забвенія внутренней формы слова. Наука въ своемъ теперешнемъ видѣ не могла бы существовать, если бы напр. оставившія ясный слѣдъ въ языкѣ сравненія душевныхъ движеній съ огнемъ, водою, воздухомъ, всего челоѣка съ растеніемъ и т. д. не получили для насъ смысла только риторическихъ украшеній или не забылись совсѣмъ; но тѣмъ-не-менѣе она развилась изъ миѣовъ,

Основн.
задача
истории
языка
Важно

образованныхъ посредствомъ слова. Самый мнѣ сходясь съ наукою въ томъ, что и онъ произведенъ стремленіемъ къ объективному познанію міра.

Чувственный образъ, исходная форма мысли, вмѣстѣ и субъективенъ, потому что есть результатъ намъ исключительно принадлежащей дѣятельности и въ каждой душѣ слагается иначе, и объективенъ, потому что появляется при такихъ, а не другихъ вѣншихъ возбужденіяхъ и проницается душою. Отдѣлять эту послѣднюю сторону отъ той, которая не дается человѣку вѣншими вліяніями и, слѣдовательно, принадлежать ему самому, можно только посредствомъ слова. Рѣчь нераздѣльна съ пониманіемъ, и говорящій, чувствуя, что слово принадлежитъ ему, въ тоже время предполагаетъ, что слово и представленіе не составляютъ исключительной, личной его принадлежности, потому что понятное ^{словамъ говорящаго} принадлежитъ слѣдовательно и этому послѣднему.

Быть можетъ, мы не впадаемъ въ противорѣчіе со сказаннымъ выше о высокомъ значеніи слова для развитія мысли, если позволимъ себѣ сравнить его съ игрою, забавою. Сравненіе „n'est pas raison“, но оно, какъ говорятъ, можетъ навести на мысль. Забавы нельзя устранить изъ жизни взрослого и серьезнаго человѣка, но взрослый долженъ судить о ея важности не только потому, какое значеніе она имѣетъ для него теперь, а и потому, что значила она для него прежде, въ дѣтствѣ. Ребенокъ еще не двоитъ своей дѣятельности на трудъ и забаву, еще не знаетъ другого труда, кромѣ игры; игра—приготовленіе къ работѣ, игра для него исчерпываетъ лучшую часть его жизни, и потому онъ высоко ее цѣнитъ. Точно такъ, мы не можемъ отдѣлаться отъ языка, хотя во многомъ стоимъ выше его (во многомъ—ниже, насколько отдѣльное лицо ниже всего своего народа); о важности его должны судить не только потому, какъ мы на него смотримъ, но и потому, какъ смотрѣли на него предшествующіе вѣка. Не вдаваясь въ серьезные изслѣдованія, мы здѣсь только напомнимъ на отчасти извѣстные факты, характеризующіе этотъ взглядъ темныхъ вѣковъ.

Теперь и въ простомъ народѣ замѣтно нѣкоторое равнодушіе къ тому, какое именно изъ многихъ подобныхъ словъ употребить въ данномъ случаѣ. Судя по нѣкоторымъ пословицамъ (напр. „не вмеръ Данило, болячка вдавила“), народу кажется смѣшнымъ не

видѣть тождества мысли за различіемъ словъ ¹⁾. На такой степени развитія, какъ та, на которую указываютъ подобныя пословицы, находимся мы. За словомъ, которое намъ служитъ только указаніемъ на предметъ, мы думаемъ видѣть самый предметъ, независимый отъ нашего взгляда ²⁾. Не то предполагаемъ во времена далекія отъ нашего и даже во многихъ случаяхъ въ современном простомъ народѣ, употребляющемъ упомянутыя пословицы. Между роднымъ словомъ и мыслью о предметѣ была такая тѣсная связь, что наоборотъ измѣненіе слова казалось непременно измѣненіемъ предмета. Въ примѣръ этого Ляцарусъ приводитъ анекдотъ про нѣмца, который къ странностямъ французовъ причислялъ то, что хлѣбъ они называютъ „du pain“. Въдъ мы же, отвѣтили ему другой, говоримъ „Brod“. Да, сказали тотъ, но оно *Brod* и есть. Слѣдуетъ замѣтить, что для этого нѣмца была уже, безъ сомнѣнія, потеряна внутренняя форма слова *Brod* ³⁾, оно ничего ему не объясняло, а между-тѣмъ казалось единственно законнымъ названіемъ хлѣба ⁴⁾. Это даетъ намъ право предположить, что въ то время,

¹⁾ Ср. польск. „Ne kijem, ino palka; серб. Није по шији, ветъ по врату. Срп. Посл. Кар. 216“. Није украо, него узео, да нико не види, ib. 219; Не бојимсе, но ме је страхъ (говорится въ шутку, когда кто скажетъ, что не боится). ib. 194. „Узео наше огнило, на му надѣео име оцило“, когда кто, взявши чужое, переименовать его немного, чтобы не узнали, ib. 230 и пр.

²⁾ По этому мы имѣемъ возможность сосредоточить мысль на словѣ, взятомъ отдѣльно отъ своего содержанія, что довольно затруднительно для ребенка. Выписываемъ относящееся сюда мѣсто изъ предисловія къ одному малознавѣстному букварю: „Можетъ случиться, что ученикъ не будетъ отдѣлять слова отъ предмета, напр., если спросить его, какой звукъ (т. е. какая гласная) въ словѣ *столъ*, можетъ случиться что онъ будетъ смотрѣть на *столъ* и не находить тамъ никакого звука. Въ такомъ случаѣ нужно довести его до того, чтобы онъ могъ представлять себѣ слово, какъ нѣчто отдѣльное отъ предмета. Этого можно достигнуть объясненіемъ неизвѣстныхъ ему словъ“. *Завадскій*.

³⁾ По гримму, *brot* родственно съ англ. *breotan* и предполагаемымъ дрв. н. *priotan*, *breschen*, ломать, такъ что *brot*—то, что ломаютъ, или кусаютъ, дробятъ зубами.

⁴⁾ Можно кажется, найти довольно подобныхъ славянскихъ анекдотовъ и пословицъ. „Непознајем ја нашега *бунгура*“ (кукурузной или пшеничной каши), казао некакавъ херцеговац, кад је чуо, не турци *бунгур* зову *пилавомъ*, као што га по босни турци, особито спромашнији, заиста и зову и употребљују као *пирнач* (т. е. вмѣсто *пилаву* изъ риса). Посл. 208. Херцеговинецъ (надъ которымъ сербъ

когда слово было не пустымъ знакомъ, а еще свѣжимъ результатомъ апперцепціи, объясненія воспріятій, наполнявшаго чловѣка такимъ же радостнымъ чувствомъ творчества, какое испытываетъ ученый, въ головѣ коего блеснула мысль, освѣщающая цѣлый рядъ до того темныхъ явленій и неотдѣлимая отъ нихъ въ первыя минуты, что въ то время гораздо живѣе чувствовалась законность слова и его связь съ самимъ предметомъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ языкѣ и поэзіи есть положительные свидѣтельства, что, по вѣрованіямъ всѣхъ индоевропейскихъ народовъ, слово есть мысль, слово—истина и правда, мудрость, поэзія. Вмѣстѣ съ мудростью и поэзією слово относилось къ божественному началу. Есть мифы, обожествляющіе самое слово. Не говоря о божественномъ словѣ (*λόγος*) евреевъ, еллинистовъ, скажемъ только, что какъ у германцевъ Одинъ въ видѣ орла похищаетъ у великановъ божественный медъ, такъ у индусовъ тоже самое дѣлаетъ извѣстный стихотворный *размѣръ*, превращенный въ птицу. Слово есть самая вещь, и это доказывается не только филологическою связью словъ, обозначающихъ *слово и вещь*, сколько распространеннымъ на всѣ слова вѣрованіемъ, что они обозначаютъ сущность явленій. Слово, какъ сущность вещи, въ молитвѣ и занятіи получаетъ власть надъ природою. „*Verba.. Quæ mare turbatum, quæ concita flumina sistant*“ (Ovid. Met. VII, 150. Ср. ib. 204 и мн. др.), эти слова имѣютъ такую силу не только въ заговорѣ, но и въ поэзіи. („То старина, то и дѣянье, какъ бы синему морю на утишенье“. Др. Р. Ст.), потому что и поэзія есть знаніе. Сила слова не представлялась слѣдствіемъ ни нравственной силы говорящаго (это предполагало бы отдѣленіе слова отъ мысли, а отдѣленія этого не было), ни сопровождающихъ его обрядовъ. Самостоятельность слова видна уже въ томъ, что какъ-бы ни могущественны были порывы молящагося, онъ долженъ знать, какое именно слово слѣдуетъ ему употребить, чтобы произвести желаемое. Таинственная связь слова съ сущностью предмета не ограничивается одними священными словами заговоровъ; она остается при словахъ и въ обыкновенной рѣчи. Не только не слѣдуетъ призывать зла,

подсмѣивается, какъ великороссіянинъ надъ хохломъ) не узналъ знакомой каши, по тому что ее называли непривычнымъ для него именемъ. Ср. также: „кад би торговац свагда добивао (если бы всегда получилъ барышъ) не би се звао *трговац*, него *добивалац*“ ib. 115, „Ловац, да свагда улови, не би се звао *ловац*, него *носац*, Рјечн. Обыкновенныя названія купца, охотника кажутся единственно законными.

(„Не зови зло, јер само може дочи“, Ср. Посл. 199), но и съ самым невиннымъ намѣреніемъ, въ самомъ спокойномъ разговорѣ не слѣдуетъ поминать извѣстныхъ существъ или, по крайней мѣрѣ, если рѣчь безъ нихъ никакъ не обойдется, нужно замѣнять обыкновенныя и законныя ихъ имена другими, произвольными и не имѣющими той силы ¹⁾). Сказавши неумышленно одно изъ подобныхъ словъ, малорусскій поселянинъ до сихъ поръ еще заботливо оговаривается: „не приміряючи“, „не передъ нічю згадуючи“ (чтобъ не привидилось и не приснилось); сербъ говоритъ: „не буди примієнено“, когда въ разговорѣ сравнить счастливаго съ несчастнымъ, живого съ мертвымъ и пр. (Ср. Посл. 195), и трудно опредѣлить, гдѣ здѣсь кончается обыкновенная вѣжливость и начинается серьезное опасеніе за жизнь и счастье собесѣдника. Если невзначай языкъ выговорить не то слово, какого требуетъ мысль, то исполняется не мысль говорящаго, а слово. Напр. сербская вѣшtica, когда хочетъ летѣть, мажетъ себѣ подъ мышками извѣстною мазью (какъ и наша вѣдьма) и говоритъ: „ни о трн, ни о грм (дубъ и кустарникъ тоже, какъ кажется, колючій), *beh* на пометно гумно!“. Разсказываютъ, что одна женщина, намазавшись этою мазью, невзначай вмѣсто „ни о трнъ и пр.“ сказала „и о трн“ и полетѣвши поразрывалась о кусты.

Х. Поэзія. Проза. Сгущеніе мысли.

Символизмъ языка, повидимому, можетъ быть названъ его поэтичностью; наоборотъ, забвеніе внутренней формы кажется намъ прозаичностью слова. Если это сравненіе вѣрно, то вопросъ объ измѣненіи внутренней формы слова оказывается тождественнымъ съ вопросомъ объ отношеніи языка къ поэзіи и прозѣ, т. е. къ литературной формѣ вообще. Поэзія есть одно изъ искусствъ, а потому связь ея со словомъ должна указывать на общія стороны языка и искусства. Чтобы найти эти стороны, начнемъ съ отождествленія моментовъ слова и произведенія искусства. Можетъ быть, само по себѣ это сходство моментовъ не говоритъ еще ничего, но оно по крайней мѣрѣ облегчаетъ дальнѣйшіе выводы.

Въ словѣ мы различаемъ: *внѣшнюю форму*, т. е. *членораздѣльный звукъ*, *содержаніе*, объективируемое посредствомъ звука,

¹⁾ Много подтверждающихъ это нѣмецкихъ примѣровъ можно найти въ мифологіи и словарь Гримма; славянскихъ тоже есть очень много.

и внутреннюю форму, или ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, какимъ выражается содержаніе. При нѣкоторомъ вниманіи нѣтъ возможности смѣшать содержаніе съ внутреннею формою. Напр. различное содержаніе, мыслимое при словахъ жалованье, annuit, pensio, gage, представляетъ много общаго, и можетъ быть подведено подъ одно понятіе платы; но нѣтъ сходства въ томъ, какъ изображается это содержаніе въ упомянутыхъ словахъ: annuit—то, что отпускается на годъ, pensio—то, что отвѣшивается, gage (по Дипу—слово германскаго происхожденія) первоначально—залогъ, ручательство, вознагражденіе и проч., вообще результатъ взаимныхъ обязательствъ, тогда какъ жалованье—дѣйствіе любви (ср. синонимич. слова миловать—жаловать, изъ коихъ послѣднее и теперь еще мѣстами значить любить), подарокъ, но никакъ не законное вознагражденіе, не „legitimum vadium“, не слѣдствіе договора двухъ лицъ.

Внутренняя форма каждаго изъ этихъ словъ иначе направляетъ мысль; почти то же выйдетъ, если скажемъ, что одно и то же новое воспріятіе, смотря по сочетаніямъ, въ какія оно войдетъ съ накопившимся въ душѣ запасомъ, вызоветъ то или другое представленіе въ словѣ.

Внѣшняя форма нераздѣльна съ внутреннею, мѣняется вмѣстѣ съ нею, безъ нея перестаетъ быть сама собою, но тѣмъ не менѣе совершенно отъ нея отлична; особенно легко почувствовать это отличіе въ словахъ разнаго происхожденія, получившихъ съ теченіемъ времени одинаковый выговоръ: для малороссіянина слова мыло и мило различаются внутреннею формою, а не внѣшнею.

Тѣ же стихіи и въ произведеніи искусства, и не трудно будетъ найти ихъ, если будемъ разсуждать такимъ образомъ: „это—мраморная статуя (внѣшняя форма) женщины съ мечемъ и вѣсами (внутренняя форма)¹⁾, представляющая правосудіе (содержаніе)“. Окажется, что въ произведеніи искусствъ образъ относится къ содержанію, какъ въ словѣ представленіе къ чувственному образу или понятію. Вмѣсто „содержаніе“ художественнаго произведенія можемъ употребить болѣе обыкновенное выраженіе, именно „идея“. Идея и содержаніе въ настоящемъ случаѣ для насъ тождественны, потому что напр. качество и отношенія фигуръ, изображенныхъ на картинѣ, событія и характеры романа и т. п. мы относимъ не къ содержанію, а къ образу, представленію содержанія, а подъ содержаніемъ

¹⁾ Steinth. Der Urspr. der Spr. 130.

картины, романа разумѣмъ рядъ мыслей, вызываемыхъ образами въ зрителѣ и читателѣ, или служившихъ почвою образа въ самомъ художникѣ во время акта созданія ¹⁾. Разница между образомъ и содержаніемъ ясна. Мысль о необходимости смерти и о томъ, „что думка за моремъ, а смерть за плечами“ одинаково приходитъ въ голову по поводу каждой изъ сценъ пляски смерти ²⁾; при большой измѣнчивости образовъ содержаніе здѣсь относительно (но только относительно) неподвижно. Наоборотъ, одно и то же художественное произведеніе, одинъ и тотъ же образъ различно дѣйствуетъ на разныхъ людей, и на одно лицо въ разное время, точно такъ, какъ одно и то же слово каждымъ понимается иначе; здѣсь относительная неподвижность образа при измѣнчивости содержанія.

Труднѣе нѣсколько не смѣшать внутренней формы съ внѣшнею, если сообразимъ, что эта послѣдняя въ статуѣ не есть грубая глыба мрамора, но мраморъ, обтесанный извѣстнымъ образомъ, въ картинѣ—не полотно и краски, а опредѣленная цвѣтная поверхность, слѣдовательно сама картина. Здѣсь выручаетъ насъ сравненіе со словомъ. Внѣшняя форма слова тоже не есть звукъ, какъ матеріалъ, но звукъ уже сформированный мыслью, между тѣмъ самъ по себѣ этотъ звукъ не есть еще символъ содержанія. Въ поздніе періоды языка появляется много словъ, въ которыхъ содержаніе непосредственно примыкаетъ къ звуку; сравнивши упомянутое состояніе словъ съ такимъ, когда явственно различаются въ нихъ три момента, можемъ замѣтить, что въ первомъ случаѣ словамъ недостаетъ образности и что только въ послѣднемъ возможно такое ихъ пониманіе, которое представляетъ соотвѣтствіе съ пониманіемъ художественнаго произведенія и эстетическимъ наслажденіемъ. Положимъ, кто нибудь знаетъ, что литов. *baltas* значитъ добрый (можетъ быть ласковый, милый); ему даны въ этомъ словѣ очень опредѣленные звуки и не менѣе опредѣленное содержаніе, но эстети-

¹⁾ Въ этомъ ряду можно различить мысли: ближайшія по времени къ воспріятію образа (когда напр. читатель говоритъ: „Донъ-Кихотъ есть насмѣшка надъ рыцарскими романами“) и болѣе далекія отъ него, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе важныя для насъ (когда читатель говоритъ: „въ Донъ-Кихотѣ смѣхотворство есть только средство изобразить всегдѣшнія и благородныя свойства человѣческой природы; авторъ любитъ своего смѣшного героя, и хотъ сыплетъ на него удары со всѣхъ сторонъ, но ставитъ безконечно выше всѣхъ окружающихъ его лицъ“). Такое различіе въ настоящемъ случаѣ для насъ не нужно.

²⁾ См. Буслаевъ. Очерки.

ческое пониманіе этого слова ему не дано, потому что онъ не видитъ, почему именно эти сочетанія звуковъ, а не сотня другихъ, должны означать доброту и пр., и почему, наоборотъ, такое содержаніе должно требовать такихъ именно звуковъ. Если затеряна для сознанія связь между звукомъ и значеніемъ, то звукъ перестаетъ быть *внѣшней* формою въ эстетическомъ значеніи этого слова; кто чувствуетъ красоту статуи, для того ея содержаніе (напр. мысль о верховномъ божествѣ, о громовержцѣ) находится въ совершенно необходимомъ отношеніи къ совокупности замѣчаемыхъ въ ней изгибовъ мраморной поверхности. Для возстановленія въ сознаніи красоты слова *baltas* нужно знаніе, что извѣстное намъ его содержаніе условлено другимъ, именно значеніемъ бѣлизны: *baltas* значить добрый и пр. потому, что оно значить *бѣлый*, точно такъ, какъ русское *бѣлый*, *свѣтлый* значать, между прочимъ, *милый*, именно вслѣдствіе своихъ значеній *albus*, *lucidus*. Только теперь, при существованіи для насъ символизма слова (при сознаніи внутренней формы), его звуки становятся внѣшней формою, необходимо требуемою содержаніемъ. Дѣло нисколько не измѣняется оттого, что мы не знаемъ причины соединенія звуковъ *baltas*, *бѣлый* со значеніемъ *albus*: мы спрашивали вовсе не объ этомъ, а объ отношеніи значенія *милый* къ звуку; ограниченныя требованія удовлетворяются знаніемъ ограниченныхъ, а не безусловныхъ причинъ.

Чтобы, воспользовавшись сказаннымъ о словѣ, различить внутреннюю и внѣшнюю форму въ художественномъ произведеніи, нужно найти такой случай, гдѣ бы потерянная эстетичность впечатлѣнія могла быть возстановлена только сознаніемъ внутренней формы. Не будемъ говорить о картинахъ и статуяхъ, какъ о предметахъ мало намъ извѣстныхъ, и остановимся на обычныхъ въ народной пѣснѣ сравненіяхъ, изъ коихъ каждое можетъ считаться отдѣльнымъ поэтическимъ цѣлымъ ¹⁾.

Чего недостаетъ намъ для пониманія такого напр. сравненія?

Czystas wandenelis tek'
Czystame upuzelej,
O ir werna meiluze
Wernoje szirdatej (Ness. 93).

¹⁾ Они такъ же цѣльны, какъ напр. четверостишіе Гейне:

Mein Herz gleicht ganz dem Meere
Hat Sturm, und Ebb', und Fluth,
Und manche schöne Perle
In seiner Tiefe ruht.

(Чистая вода течетъ въ чистой рѣчкѣ, а вѣрная любовь въ вѣрномъ сердцѣ) ¹⁾.

Намъ недостаетъ того же, что требовалось для пониманія слова *baltas*, добрый, именно законности отношенія между внѣшнею формою, или лучше сказать между тѣмъ, что должно стать внѣшнею формою, и значеніемъ. Форма и содержаніе—понятія относительныя: В, которое было содержаніемъ по отношенію къ своей формѣ А, можетъ быть формою по отношенію къ новому содержанію, которое мы назовемъ С; уголь $\angle$, обращенный вершиною влево, есть извѣстное содержаніе, имѣющее свою форму, свое начертаніе (напр. уголь можетъ быть острый, тупой, прямой), но это содержаніе въ свою очередь есть форма, въ которой математика выражаетъ одно изъ своихъ понятій. Точно такимъ образомъ значеніе слова имѣетъ свою звуковую форму, но это значеніе, предполагающее звукъ, само становится формою новаго значенія. Формою поэтическаго произведенія будетъ не звукъ, первоначальная внѣшняя форма, а слово, единство звука и значенія. Въ приведенномъ сравненіи то, къ чему стремится и на чемъ останавливается умственная дѣятельность, есть мысль о любви, которой исполнено сердце. Если отвлечемъ, для большей простоты, это содержаніе отъ его словеснаго выраженія, то увидимъ, что оно существуетъ для насъ въ формѣ, составляющей содержаніе перваго двуступня. Образъ текущей свѣтлой воды (на сколько онъ выраженъ въ словахъ) не можетъ быть однако внѣшнею формою мысли о любви; отношеніе воды къ любви такое же внѣшнее и произвольное, какъ отношеніе

¹⁾ Ср. „Eiksz szenay mergyte,
Eiksz szenay, jaunoji,
Kalbesiva kalbuzate,
Dumosiva dumuzate,
Kur srove giliausis,
Kur meile meiliausia“ (Ness. 3).

(Поди сюда, дѣвица, поди сюда, молодая, будемъ думать-гадать, гдѣ глубже рѣка, гдѣ крѣпче (милѣе) любовь). Сравненіе употреблено и въ этихъ и въ вышеприведенныхъ стихахъ слишкомъ самостоятельно, для того, чтобъ можно было видѣть здѣсь заимствованіе откуда бы ни было. Въ моравской пѣснѣ мы встрѣтили такой же мотивъ.

„O lasko, lasko, bud' mezi nami,
Jako ta vodička mezi brehami
Woda uplyné, brehy podryje,
Tebe si, dzévusko, synek ne vezmě“.

(Morav. nár. p. F. S. 300).

формы поэтич. просоды. Будемъ и
тебѣ, дѣвушка, сынокъ не возьмѣтъ.

звука *baltas* къ значенію *добрий*. Законная связь между водою и любовью установится только тогда, когда дана будет возможность, не дѣлая скачка, перейти отъ одной изъ этихъ мыслей къ другой, когда напр. въ сознаниіи будетъ находиться связь свѣта, какъ одного изъ эпитетовъ воды, съ любовью. Это третье звено, связующее два первыхъ, есть именно внутренняя форма, иначе—символическое значеніе выраженного первымъ двуступнемъ образа воды. Итакъ, для того, чтобы сравненіе воды съ любовью имѣло для насъ эстетическое значеніе, нужно, чтобы образъ, который прежде всего дается сознанию, заключалъ въ себѣ указаніе на выражаемую имъ мысль. Онъ можетъ и не имѣть этого символическаго значенія, и между тѣмъ воспринимается весьма опредѣленно; слѣдовательно внѣшняя форма, принимаемая не въ смыслъ грубаго матеріала (полотно, краски, мраморъ), а въ смыслъ матеріала, подчиненнаго мысли (совокупность очертаній статуи), есть нѣчто совершенно отличное отъ внутренней формы.

Беремъ еще одинъ примѣръ. Въ Малороссіи весною дѣвки поютъ:

„Кроковее колесо

Више тину стояло,

Много дива видало.

Чи бачило, колесо,

Куди милый поїхавъ?“

— За нимъ трава зелена

И діброва весела.—

„Кроковее колесо

Више тину стояло

Много дива видало.

Чи бачило, колесо,

Куди нелюбъ поїхавъ?“

— За нимъ трава полягла

И діброва загула!

Можно себѣ представить, что эту пѣсню ктонибудь пойметъ въ буквальный смыслъ, то есть не пойметъ ея вовсе. Всѣ черты того, что изображено здѣсь, все то, что становится впоследствии внѣшнею формою, будетъ схвачено душою, а между тѣмъ въ результатѣ выйдетъ нелѣпость: шафранное колесо, которое смотреть изъ надъ тину? Но пусть эта бессмыслица получить внутреннюю форму, и отъ пѣсни повѣсть на насъ весною природы и дѣвичьей жизни. Это желтое колесо—солнце; солнце смотреть сверху и ви-

дить много дива. Оно рассказываетъ пѣвицѣ, что куда проѣхалъ ея милый, тамъ позеленѣла трава и повеселѣла дуброва и проч.

Кажется, изъ сказаннаго ясно, что и въ поэтическомъ, слѣдовательно, вообще художественномъ произведеніи есть тѣ же самыя стихіи, что и въ словѣ: содержаніе (или идея), соответствующее чувственному образу или развитому изъ него понятію; внутренняя форма, образъ, который указываетъ на это содержаніе, соответствующій представленію (которое тоже имѣетъ значеніе только какъ символъ, намекъ на извѣстную совокупность чувственныхъ воспріятій, или на понятіе) и, наконецъ, внѣшняя форма, въ которой объективируется художественный образъ. Разница между внѣшнею формою слова (звукомъ) и поэтическаго произведенія та, что въ послѣднемъ, какъ проявленіи болѣе сложной душевной дѣятельности, внѣшняя форма болѣе проникнута мыслью. Впрочемъ и членораздѣльный звукъ, форма слова, проникнуть мыслью: Гумбольтъ, какъ мы видѣли выше, можетъ понять его только какъ „работу духа“.

Языкъ во всемъ своемъ объемѣ и каждое отдѣльное слово соответствуетъ искусству, при томъ не только по своимъ стихіямъ, но и по способу ихъ соединенія.

„Созданіе языка, говоритъ Гумбольтъ, начиная съ первой его стихіи, есть синтетическая дѣятельность въ строгомъ смыслѣ этого слова, именно въ томъ смыслѣ, по которому синтезъ создаетъ нѣчто такое, что не заключено въ слагаемыхъ частяхъ, взятыхъ порознь“ ¹⁾. Звукъ, какъ междометіе, какъ рефлексія чувства, и чувственный образъ или схема, были уже до слова; но самое слово не дается механическимъ соединеніемъ этихъ стихій. Внутренняя форма въ самую минуту своего рожденія измѣняетъ и звукъ, и чувственный образъ. Измѣненіе звука состоитъ (не говоря о позднѣйшихъ, болѣе сложныхъ звуковыхъ явленіяхъ) въ устранинн того страстнаго отбѣнка, нарушающаго членораздѣльность, какой свойственъ междометію. Изъ перемѣнъ, какимъ подвергается мысль при созданн слова, укажемъ здѣсь только на ту, что мысль въ словѣ перестаетъ быть собственностью самаго говорящаго и получаетъ возможность жизни самостоятельной по отношенію къ своему создателю. Имѣя въ виду эту самостоятельность, именно—неуничтожающую возможности взаимнаго пониманія способность слова всякимъ пониматься по своему, мы поймемъ важность слѣдующихъ словъ Гумбольта:

¹⁾ Ueb. die Versch. 104.

„На языкъ нельзя смотрѣть какъ на нѣчто (ein Stoff) готовое, обозримое въ цѣломъ и исподоволь сообщимое: онъ вѣчно создается, при томъ такъ, что законы этого созданія опредѣлены, но объемъ и нѣкоторымъ образомъ даже родъ произведенія остаются неопредѣленными“ ¹⁾. „Языкъ состоитъ не только изъ стихій, получившихъ уже форму, но вмѣстѣ съ тѣмъ и главнымъ образомъ изъ методъ продолжать работу духа въ такомъ направленіи и въ такой формѣ, какія опредѣлены языкомъ. Разъ и прочно сформированныя стихіи составляютъ нѣкоторымъ образомъ мертвую массу, но эта масса носить въ себѣ живой зародышъ безъ конечной опредѣлимости“ ²⁾. Сказанное здѣсь обо всемъ языкѣ мы примѣняемъ къ отдѣльному слову. Внутренняя форма слова, произнесеннаго говорящимъ, даетъ направленіе мысли слушающаго, но она только возбуждаетъ этого послѣдняго, даетъ только способъ развитія въ немъ значеній, не назначая предѣловъ его пониманію слова. Слово одинаково принадлежитъ и говорящему и слушающему, а потому значеніе его состоитъ не въ томъ, что оно имѣетъ опредѣленный смыслъ для говорящаго, а въ томъ, что оно способно имѣть смыслъ вообще. Только въ силу того, что содержаніе слова способно расти, слово можетъ быть средствомъ понимать другаго.

Искусство тоже творчество, въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ и слово. Художественное произведеніе очевидно не принадлежитъ природѣ: оно присоздано къ ней человѣкомъ. Факторы напр. статуи — это, съ одной стороны, безплотная мысль ваятеля, смутная для него самого и недоступная никому другому, съ другой — кусокъ мрамора, неимѣющій ничего общаго съ этою мыслью; но статуя не есть ни мысль, ни мраморъ, а нѣчто отличное отъ своихъ производителей, заключающее въ себѣ больше, чѣмъ они. Синтезъ, творчество очень отличны отъ арифметическаго дѣйствія: если агенты художественнаго произведенія, существующіе до него самаго, обозначимъ черезъ 2 и 2, то оно само не будетъ равняться четыремъ. Замысль художника и грубый матеріалъ не исчерпываютъ художественнаго произведенія, соотвѣтственно тому, какъ чувственный образъ и звукъ не исчерпываютъ слова. Въ общихъ случаяхъ и та и другая стихія существенно измѣняются отъ присоединенія къ нимъ третьей, т. е. внутренней формы. Сомнѣніе можетъ быть развѣ относительно содержанія: можно думать, что не только художникъ долженъ быть

¹⁾ Ib. 57—7.

²⁾ Ueb. die Versch. 62.

имѣть въ душѣ извѣстное содержаніе, прежде чѣмъ изобразилъ его въ мраморѣ, словѣ или на полотнѣ, но что содержаніе это было такое же и до, и послѣ созданія. Но это несправедливо уже по тому одному, что мысль, обьективированная художникомъ, дѣйствуетъ на него, какъ нѣчто близкое ему, но вмѣстѣ и постороннее. Преклоняетъ ли художникъ колѣна предъ своимъ созданіемъ или подвергаетъ его заслуженному или незаслуженному осужденію—все равно, онъ относится къ нему какъ цѣнитель, признаетъ его самостоятельное бытіе. Искусство есть языкъ художника, и какъ посредствомъ слова нельзя передать другому своей мысли, а можно только пробудить въ немъ его собственную, такъ нельзя ее сообщить и въ произведеніи искусства; поэтому содержаніе этого послѣдняго (когда оно окончено) развивается уже не въ художникѣ, а въ понимающихъ. Слушающій можетъ гораздо лучше говорящаго понимать, что скрыто за словомъ, и читатель можетъ лучше самого поэта постигать идею его произведенія. Сущность, сила такого произведенія не въ томъ, что разумѣль подъ нимъ авторъ, а въ томъ, какъ оно дѣйствуетъ на читателя или зрителя, слѣдовательно въ неисчерпаемомъ возможномъ его содержаніи. Это содержаніе, проицируемое нами, т. е. впааемое въ самое произведеніе, дѣйствительно условлено его внутреннею формою, но могло вовсе не входить въ расчеты художника, который творить, удовлетворяя временнымъ, нерѣдко весьма узкимъ потребностямъ своей личной жизни. Заслуга художника не въ томъ минимумъ содержанія, какое думалось ему при созданіи, а въ извѣстной гибкости образа, въ силѣ внутренней формы возбуждать самое разнообразное содержаніе. С скромная загадка: „одно каже: „свѣтай Боже“, друге каже „не дай Боже“, трете каже „мені все одно“ (окно, двери и сволокъ) можетъ вызвать мысль объ отношеніи разныхъ слоевъ народа къ разсвѣту политической, нравственной, научной идеи, и такое толкованіе будетъ ложно только въ томъ случаѣ, когда мы выдадимъ его за обьективное значеніе загадки, а не за наше личное состояніе, возбужденное загадкою. Въ незамысловатомъ разсказѣ, какъ бѣднякъ хотѣлъ было набрать воды изъ Савы, чтобъ развести глотокъ молока, который былъ у него въ чашкѣ, какъ волна безъ слѣда унесла изъ сосуда его молоко, и какъ онъ сказалъ: „Саво, Саво! Себе не забицели, а мене зацрни“ (т. е. опечалила) ¹⁾, въ этомъ разсказѣ можетъ кому нибудь почудиться неумолимое, стихійно-разрушительное дѣйствіе потока міровыхъ со-

¹⁾ Ср. Посл. 273.

бытій на счастье отдѣльных лицъ, вопль, который вырывается изъ груди невозвратными и, съ личной точки, незаслуженными потерями. Легко ошибиться, навязавъ народу то или другое пониманіе, но очевидно, что подобные рассказы живутъ по цѣлымъ столѣтіямъ не ради своего буквального смысла, а ради того, который въ нихъ можетъ быть вложенъ. Этимъ объясняется, почему созданія темныхъ людей и вѣковъ могутъ сохранять свое художественное значеніе во времена высокаго развитія, и вмѣстѣ, почему, не смотря на мнимую вѣчность искусства, настаетъ пора, когда съ увеличеніемъ затрудненій при пониманіи, съ забвеніемъ внутренней формы, произведенія искусства теряютъ свою цѣну.

Возможность того обобщенія и углубленія идеи, которое можно назвать самостоятельною жизнью произведенія, не только не есть отрицаніе нераздѣльности идеи и образа, но, напротивъ, обуславливается ею. Дидактическія произведенія, при всей нерѣдко имъ свойственной глубинѣ первоначального замысла, осуждены на раннее забвеніе именно вслѣдствіе иногда трудно уловимыхъ недостатковъ синтеза, недостатковъ зародыша безконечной (новой) опредѣлимости разъ сформированнаго матеріала.

Быть можетъ, излишне будетъ прибавлять, что отдѣльное слово только до тѣхъ поръ можетъ быть сравниваемо съ отдѣльнымъ произведеніемъ искусства, пока измѣненія внутренней формы слова при пониманіи его разными лицами ускользаютъ отъ сознанія; рядъ измѣненій внутренней формы есть уже рядъ словъ одного происхожденія и соответствуетъ ряду произведеній искусства, связанныхъ между собою такъ, какъ эпическія сказанія разныхъ временъ, представляющія развитіе одного типа.

На слово нельзя смотрѣть какъ на выраженіе готовой мысли. Такой взглядъ, какъ мы старались показать, ведетъ ко многимъ противорѣчіямъ и заблужденіямъ относительно значенія языка въ душевной экономіи. Напротивъ, слово есть выраженіе мысли лишь на столько, на сколько служить средствомъ къ ея созданію; внутренняя форма, единственное объективное содержаніе слова, имѣетъ значеніе только потому, что видоизмѣняетъ и совершенствуетъ тѣ агрегаты воспріятій, какіе застаютъ въ душѣ. Если, какъ и слѣдуетъ, примемъ, что внутренняя форма или представленіе такъ относится къ чувственному образу, какъ внутренняя форма художественнаго произведенія (образъ, идеаль) къ мысли, которая въ ней обьективировалась, то должны будемъ отказаться отъ извѣстнаго опре-

дѣленія идеала, какъ „изображенія идеи въ недѣлимомъ“ ¹⁾. Не отказываясь принимать это опредѣленіе въ смыслѣ воплощенія готовой идеи въ образѣ, мы должны бы были принять и слѣдствія: *во первыхъ*, такъ какъ умственное стремленіе человѣка удовлетворяется не образомъ самимъ по себѣ, а идеею, т. е. совокупностью мыслей, пробуждаемыхъ образомъ и относимыхъ къ нему, какъ источнику, то художникъ, въ которомъ была бы уже готовая идея, не имѣлъ бы лично для себя никакой нужды выражать ее въ образѣ; *во вторыхъ*, если бы эта идея, по неизвѣстнымъ побужденіямъ, была вложена въ образъ, то ея сообщеніе понимающему могло бы быть только передачею въ собственномъ смыслѣ этого слова, что противорѣчитъ здравому взгляду на пониманіе, какъ на созданіе извѣстнаго содержанія въ себѣ самомъ по поводу внѣшнихъ возбужденій. Чтобы не сдѣлать искусства явленіемъ не необходимымъ или вовсе лишнимъ въ человѣческой жизни, слѣдуетъ допустить, что и оно, подобно слову, есть не столько выраженіе, сколько средство созданія мысли; что цѣль его, какъ и слова—произвести извѣстное субъективное настроеніе какъ въ самомъ производителѣ, такъ въ понимающемъ; что и оно не есть *ἔργον*, а *ἐνέργεια*, нѣчто постоянно создающееся. Этимъ опредѣляются частныя черты сходства искусства и языка.

Значеніе слова, или, точнѣе говоря, внутренней формы, *представленія*, для мысли сводится къ тому, что а) оно объединяетъ чувственный образъ и б) условливаетъ его сознаніе. То же въ своемъ кругу производить идеаль въ искусствѣ.

а) Искусство имѣетъ своимъ предметомъ природу въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова, но оно есть не непосредственное отраженіе природы въ душѣ, а извѣстное видоизмѣненіе этого отраженія. Между произведеніемъ искусства и природою стоитъ мысль человѣка; только подъ этимъ условіемъ искусство можетъ быть творчествомъ. Гумбольдтъ, принявъ за исходную точку искусства *дѣятельность* (но не въ общежитейскомъ смыслѣ, по которому дѣятельность есть уже результатъ апперцепціи, а въ смыслѣ совокупности непосредственныхъ воспріятій, лишенныхъ еще всякой обработки), имѣетъ полное право сказать, что „царство фантазій (подъ которою здѣсь можемъ разумѣть вообще творческую способность души) рѣшительно противоположно царству дѣятельности, и столь же противоположенъ характеръ явленій, принадлежащихъ

1) W. Humb. Gesamm. W. IV. Hermann u. Dorothea. 33.

къ обѣимъ этимъ областямъ. Съ понятіемъ дѣйствительности—какъ его раскрываетъ психологическій анализъ—„неразрывно связано то, что каждое явленіе стоитъ отдѣльно, само для себя, и что ни одно не зависитъ отъ другого, какъ основаніе или слѣдствіе. Мало того, что мы непосредственно не воспринимаемъ такой зависимости, а доходимъ до нея только путемъ умозаключеній: понятіе дѣйствительности дѣлаетъ излишнимъ самое стараніе отыскивать эту зависимость. Явленіе передъ нами: этого довольно для того, чтобы устранить всякое сомнѣніе въ его дѣйствительности; зачѣмъ еще явленію оправданіе посредствомъ его причины или дѣйствія?“ тѣмъ болѣе, что самыя категоріи причины и дѣйствія не даются непосредственнымъ воспріятіемъ. „Напротивъ, въ области *возможнаго* все существуетъ лишь на столько, на сколько зависитъ отъ другого; поэтому все, что мыслимо только подъ условіемъ всесторонней внутренней связи—*идеально* въ самомъ строгомъ и простомъ смыслѣ этого слова. Въ этомъ отношеніи идеальное прямо противоположно дѣйствительному, *реальному*. Такимъ образомъ должно быть идеализировано все, что рука искусства переноситъ въ чистую область воображенія“ ¹⁾.

Очевидно, что такая идеальность свойственна не только искусству и воображенію, но и разумной дѣятельности вообще. „Перенести въ страну идей всю природу, т. е. сравнить по объему содержаніе своего опыта съ міромъ: соединить эту огромную массу отрывочныхъ явленій въ нераздѣльное единство и организованную цѣлость... такова конечная цѣль умственныхъ усилій человѣка. Участіе искусства въ этой работѣ показываетъ, что оно принадлежитъ не къ тѣмъ механическимъ, подчиненнымъ занятіямъ, посредствомъ коихъ мы только готовимся къ своему настоящему назначенію, а къ тѣмъ высочайшимъ, посредствомъ коихъ мы его непосредственно исполняемъ“ ²⁾.

Къ этому первому и самому обширному опредѣленію идеальнаго, какъ того, что не есть дѣйствительность, присоединяется другое, по которому искусство облагораживаетъ и украшаетъ природу, и идеаль имѣетъ значеніе того, что превосходитъ дѣйствительность. Художникъ, возсоздавая предметъ въ своемъ воображеніи, уничтожаетъ всякую черту, основанную только на случайности, каждую дѣлаетъ зависимою только отъ другой, а все—только отъ него самаго... Если ему удастся, то подъ конецъ у него выходятъ однѣ ха-

¹⁾ Humb. Herm. u. Doroth. 20.

²⁾ Ib. 21.

ракетристическія формы, одни образы очищенной и неискаженной измѣнчивыми обстоятельствами природы. Каждый изъ этихъ образовъ носить на себѣ отпечатокъ своей особенности, и эта особенность заключена только въ формѣ, воспринимается только наглядно (*kann nie anders, als durch Anschauen gefasst werden*) и невыразима понятіемъ ¹⁾).

Впрочемъ „выраженіе, что поэтъ возвышаетъ природу, слѣдуетъ употреблять очень осмотрительно, потому что, собственно говоря художественное произведеніе и созданіе природы принадлежать не къ одной и той же области и несоизмѣримы однимъ и тѣмъ же масштабомъ“, точно такъ, какъ чувственный образъ и представленіе его въ словѣ не принадлежать къ одному continuum формъ душевной жизни. „Нельзя сказать, что изображенные живописцемъ плоды прекраснѣе естественныхъ. Вообще, природа прекрасна лишь настолько, насколько фантазія представляетъ ее прекрасною. Нельзя сказать, что контуры въ природѣ менѣе совершенны, что цвѣта менѣе живы: разница только въ томъ, что дѣйствительность дѣйствуетъ на чувства, а искусство на фантазію, что первая даетъ суровыя (*harte*) и рѣзкія очертанія, а второе—хотя опредѣленные, но вмѣстѣ и безконечныя“ ²⁾).

Здѣсь упомянуты два свойства искусства: а) особенность его дѣйствія на человѣка сравнительно съ дѣйствіемъ природы (даже въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова) и б) совмѣстное существованіе въ каждомъ художественномъ произведеніи противоположныхъ качествъ, именно опредѣленности и безконечности очертаній. Первое видно уже изъ того, очень обыкновеннаго явленія, что многія явленія природы и человѣческой жизни, возбуждающія интереса въ дѣйствительности, сильно дѣйствуютъ на насъ, будучи, повидимому, совершенно вѣрно изображены въ искусствѣ. По пословицѣ „и сунце пролази крозъ калява мѣста, вѣтъ се не окаля“, искусство можетъ изображать самую роскошную и соблазнительную красоту, или самыя возмутительныя и безобразныя явленія, и оставаться дѣйственнымъ и прекраснымъ. Причина этому заключается въ томъ, что художественное творчество, оставаясь вполне вѣрнымъ природѣ, разлагаетъ ея явленія, такъ что, во первыхъ, каждое искусство беретъ на свою долю только одну извѣстную сторону предметовъ, напр. ваяніе только пластическую красоту формъ, устраняя разнообразныя дѣйствія цвѣ-

¹⁾ Ib. 22.

²⁾ Ib. 23—4.

2) товь, живопись только свѣтъ, тѣни и цвѣта и т. д.; во вторыхъ, каждое отдѣльное произведеніе опускаетъ многія не необходимыя черты предмета, данныя въ дѣйствительности и доступныя средствамъ искусства, подобно тому, какъ слово обозначаетъ образъ, положимъ, *золота* только посредствомъ одного его признака, именно желтаго цвѣта, предоставляя личному пониманію дополнять этотъ образъ другими признаками, напр. звукомъ, тяжестью и проч.

Что до противорѣчія между единичностью образа и безконечностью его очертаній, то эта безконечность есть только замѣтная и въ языкѣ невозможность опредѣлить, сколько и какое содержаніе разовьется въ понимающемъ по поводу воспринимаемаго вполне опредѣленнаго представленія. Какъ слово въ началѣ есть знакъ очень ограниченнаго, конкретнаго чувственнаго образа, который, однако, въ силу представленія, тутъ же получаетъ возможность обобщенія, такъ художественный образъ, относясь въ минуту созданія къ очень тѣсному кругу чувственныхъ образовъ тутъ же становится типомъ, идеаломъ.

Въ сферѣ языка посредствомъ представленія, объединяющаго чувственную схему и отдѣляющаго предметъ отъ всего остального, т. е. сообщающаго ему идеальность, устанавливается внутренняя связь воспріятій, отличная отъ механическаго ихъ сдѣленія. Начавши съ очевиднаго положенія, что отдѣльное слово, какъ предложеніе, еще не вноситъ гармоніи во всю совокупность нашихъ воспріятій, потому что выдѣляетъ изъ нихъ только одну незначительную часть, мы должны будемъ прибавить, что это слово полагаетъ начало водворенію этой гармоніи, потому что готово стать подлежащимъ или сказуемымъ другихъ вновь возникающихъ словъ. Слово, объединившее извѣстную группу воспріятій, въ свою очередь стремится къ внутреннему соединенію со словомъ ближайшей группы, и такое стремленіе условлено самимъ объединеннымъ въ словѣ образомъ: составленное изъ двухъ словъ предложеніе, связывающее между собою два образа, есть однако обозначеніе сужденія, которое признается разложеніемъ одного чувственнаго образа. Первый шагъ на пути, по которому ведетъ чловѣка языкъ, возбуждаетъ стремленіе обойти весь кругъ сродныхъ явленій.

Этому соотвѣтствуетъ такъ называемая Гумбольтомъ *цѣльность* (Totalität) искусства. „Прекрасное назначеніе поэта—посредствомъ всесторонняго ограниченія своего матеріала произвести неограниченное и безконечное дѣйствіе, посредствомъ индивидуальнаго образа удовлетворить требованіямъ идеи, съ одной точки зрѣнія

открыть цѣлый міръ явленій“ ¹⁾. „Дѣло вовсе не въ томъ, чтобы показать *все*“ (утверждать это было бы тоже, что сказать, будто въ одномъ словѣ можемъ исчерпать все возможное содержаніе нашей мысли), „что само по себѣ невозможно, или даже *многое*, что устранило бы многіе виды искусства, а въ томъ, чтобы привести въ такое настроеніе, при которомъ мы готовы все обнять взоромъ (Die Stimmung alles zu sehen)“. „Сила не въ числѣ предметовъ, принятыхъ поэтомъ въ свой планъ, ни въ ихъ отношеніи къ высшимъ интересамъ человѣчества: то и другое, хотя можетъ усилить дѣйствіе произведенія, безразлично для его художественнаго достоинства“. „Пусть только поэтъ заставитъ насъ сосредоточиться въ одномъ пунктѣ, забыть себя ради извѣстнаго предмета (Sich in einem Gegenstand ausser sich selbst hinzustellen—objectiv zu sein), — и вотъ, каковъ бы ни былъ этотъ предметъ, передъ нами—міръ. Тогда все наше существо обнаружитъ творческую дѣятельность, и все, что оно ни произведетъ въ этомъ настроеніи, должно соответствовать ему самому и имѣть то же *единство и цѣльность*. Но именно эти два понятія мы соединяемъ въ словѣ *міръ*“.

„Здѣсь повторяется то же, что мы видѣли при достиженіи идеальности. Пусть поэтъ, согласно съ первымъ и простѣйшимъ требованіемъ своего искусства, перенесетъ насъ за предѣлы дѣйствительности, и мы очутимся въ области, гдѣ каждая точка есть центръ блага, и слѣдовательно цѣлое беспредѣльно и безконечно... Духъ, на который художникъ подѣйствовалъ такимъ образомъ, всегда *склоненъ*, съ какого бы предмета ни началъ, обходить весь кругъ сродныхъ съ этимъ предметомъ явленій и собирать ихъ въ одинъ цѣльный міръ“ ²⁾. То *всеобъемлющее*, что поэтъ сообщаетъ фантазій, заключается именно въ томъ, что она нигдѣ не ступаетъ такъ тяжело, чтобы укорениться на одномъ мѣстѣ, но скользить все далѣе и далѣе и вмѣстѣ господствуетъ надъ пройденнымъ ею кругомъ; въ томъ, что ея наслажденіе граничить со страданіемъ, и наоборотъ; что она видитъ предметъ не въ цвѣтѣ дѣйствительности, а въ томъ блескѣ, какимъ одѣло его ея таинственное обаяніе“ ³⁾.

Какъ въ языкѣ причина, почему отдѣльное слово стремится къ соединенію съ другими, заключается не только въ томъ, что это слово разлагаетъ (идеализируетъ) свой чувственный образъ, но и въ томъ, что этотъ образъ самъ по себѣ способенъ къ разложенію и

¹⁾ Herm. u. Doroth. 16.

²⁾ Ibid. 31.

³⁾ Ibid. 32.

слѣдовательно къ связи съ другими: такъ и условіе художественной цѣльности — не только въ свойствахъ идеализирующей дѣятельности, но и въ ея предметахъ, взятыхъ объективно. „Всѣ различныя состоянія челоука и всѣ силы природы (слѣдовательно все возможное содержаніе искусства) такъ сродны между собою, такъ взаимно поддерживаютъ и условливаютъ другъ друга, что врядъ ли возможно живо изобразить одно изъ нихъ, не принимая вмѣстѣ съ этимъ въ свой планъ и цѣлаго круга“ ¹⁾. „Способъ постановки одной фигуры въ поэтическомъ произведеніи заставляетъ фантазію не только присоединить къ ней многія другія, но и именно столько, сколько нужно для того, чтобы вмѣстѣ съ первою образовать замкнутый кругъ“ ²⁾. Такимъ образомъ, сложное художественное произведеніе есть такое же развитіе одного главнаго образа, какъ сложное предложеіе — одного чувственнаго образа.

б) Объ отношеніи искусства къ сознанію того, что уже есть въ сознаніи, т. е. къ самосознанію, замѣтимъ слѣдующее:

Выше мы привели вполне убѣдительное на нашъ взглядъ мнѣніе, по которому звукъ, сырой матеріалъ слова, есть одно изъ средствъ успокоенія организма, устраненія полученныхъ имъ извнѣ потрясеній. То же совершаетъ въ своей сферѣ и психическая сторона слова. „Человѣку, говоритъ Гумбольтъ, врождено стремленіе высказывать только что услышанное“ ³⁾, освобождать себя отъ волненія, производимаго силою, дѣйствующею на его душу, въ словѣ передавая эту силу другимъ и, нерѣдко, не заботясь объ томъ, будетъ ли она воспринята разумнымъ существомъ, или нѣтъ. Это стремленіе, особенно въ первобытномъ челоуцкѣ и ребенкѣ, можетъ граничить съ физиологическою необходимостью. Какъ ребенку и женщинѣ нужно бываетъ выплакаться, чтобы облегчить свое горе, такъ необходимо высказаться и отъ полноты душевной. Мысль эта съ давнихъ поръ стала уже достояніемъ народной поэзіи. Въ одной сербской сказкѣ говорится, что у царя Трояна были козы уши. Стыдясъ этого, онъ убивалъ всѣхъ, кто его брилъ. Одного мальчика бородобрѣя царь помиловалъ подъ условіемъ соблюденія тайны, но этотъ, мучимый невозможностью высказаться, сталъ чахнуть и вяннуть, пока не надоумили его повѣрить свою тайну землѣ. Мальчикъ вышелъ въ поле, вырылъ въ землѣ яму, засунулъ въ нее голову и

¹⁾ Ibid. 28—9.

²⁾ Ibid. 33—4.

³⁾ Ueb. die Versch. 55.

трижды сказать: „У царя Трояна козьи уши“. Тогда ему стало легче на сердцѣ ¹⁾. Есть пословица: „островъ въ морѣ, что сердце въ горѣ“, гдѣ сердце и горе сравниваются съ моремъ, обтекающимъ островъ. Если удержимъ это сравненіе, то заключительные стихи былины

„То сторона, то и дѣянье...
Синему морю на утишенье“

кромѣ своего буквального значенія, получать еще другое, болѣе глубокое и вѣрное — власти поэзіи надъ сердцемъ. Гумбольтъ, сказавши, что въ художественной цѣльности, въ искусствѣ потрясти всего человѣка по поводу ограниченного числа данныхъ явленій ²⁾, еще никто не превзошелъ древнихъ, продолжаетъ: „Отсюда то успокоеніе, которое испытываетъ чисто настроенная душа при чтеніи древнихъ; оттого-то древніе даже состоянія страстнаго волненія и подавляющаго отчаянія низводятъ къ душевному покою или возвышаются до мужества. Это вдыхающее силу спокойствіе необходимо является, когда человѣкъ вполне обозрѣлъ свои отношенія къ міру и судьбѣ. Лишь тогда, когда онъ останавливается тамъ, гдѣ или внѣшняя сила, или его собственная страсть грозитъ нарушить его равновѣсіе, лишь тогда происходитъ раздраженіе и отчаяніе (*verzweifelter Missmuth*). Такъ выгодно однако мѣсто, указанное ему въ ряду предметовъ, что гармонія и спокойствіе немедленно возста- новляются, какъ скоро онъ завершилъ кругъ явленій, представляемыхъ ему фантазіею въ серьезные минуты расчета съ судьбою (*in dies. Augenb. einer ernsten Ruhung*)“ ³⁾.

Успокоительное дѣйствіе искусства условливается именно тѣмъ, что оно идеально, что оно, связывая между собою явленія, очищая и упрощая мысль, даетъ ея обзоръ, ея сознаніе прежде всего са-

¹⁾ Срп. Приповѣт. № 39.

²⁾ Всякій гимнъ Пиндара, всякій большій хоръ трагиковъ, всякая ода Горация проходитъ, но только съ безконечно-измѣнчивымъ разнообразіемъ, одинъ и тотъ же кругъ. Вездѣ поэтъ изображаетъ возвышенность боговъ, могущество судьбы, зависимость человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и величіе его духа и мужество, которое даетъ ему возможность бороться съ судьбою и стать выше ея... Не только во всемъ твореніи Гомера, но въ каждой отдѣльной пѣснѣ, въ каждомъ мѣстѣ — передъ нами открыто и ясно лежитъ вся жизнь. Душа разомъ, легко и вѣрно рѣшаетъ, что мы есть и чѣмъ мы можемъ быть, какъ страдаемъ и наслаждаемся, въ чемъ правы и въ чемъ ошибаемся“ (*Herm. u. Dor. 28—9*).

³⁾ *Herm. u. Dor. 29*.

мому художнику, подобно тому, какъ успокоительная сила слова есть слѣдствіе представленія образа. Представленіе и идеаль, разлагая волнующее челоѣка чувство, уничтожаютъ власть послѣдняго, отодвигаютъ его къ прошедшему. Необъективированное состояніе души покоряетъ себѣ сознаніе, объективированное въ словѣ или произведеніи искусства—покоряется ему, ложится въ основаніе дальнѣйшей душевной жизни. Отсюда, какъ слово, такъ и художественное произведеніе заканчиваетъ періоды развитія художника, служить поворотною точкою его душевной жизни. Признанія поэтовъ, изъ коихъ одинъ стихами отдѣлался отъ могучаго образа, много лѣтъ возмущавшаго его умъ ¹⁾, другой передавалъ своимъ героямъ свои дурныя качества, служить блистательными доказательствами того, что и искусство есть органъ самосознанія.

Находя, что художественное произведеніе есть синтезъ трехъ моментовъ (внѣшней формы, внутренней формы и содержанія), результатъ безсознательнаго творчества, средство развитія мысли и самосознанія, т. е. видя въ немъ тѣ же признаки, что и въ словѣ, и наоборотъ, открывая въ словѣ идеальность и цѣльность, свойственныя искусству, мы заключаемъ, что и слово есть искусство, именно поэзіи.

Очевидно, что не одна и та же внутренняя потребность вынуждаетъ появленіе пластическихъ искусствъ и музыки съ одной—и слова съ поэзією съ другой стороны: искусства выражаютъ разныя стороны душевной жизни, и потому незамѣнимы одно другимъ. „Можно бы было, говорить Ляцарусъ, обозначить части статуи, или всю ее, рядомъ указаній (напр. высокій лобъ, кудрявая борода, длинные, вьющіеся волосы, возвышенное выраженіе лица); но точнаго изображенія ея нельзя бы было достигнуть словами, а математическими формулами размѣровъ и изгибовъ—развѣ только тогда, когда бы мы, какъ олицетворенная математика, могли составить безконечное множество такихъ формулъ и сложить ихъ въ наглядный образъ“ ²⁾. Но цѣль такой невѣроятной работы, то есть переложеніе

¹⁾Этотъ дикій бредъ

Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ,
Но я, разставшись съ прочими мечтами,
И отъ него отдѣлался—стихами.

Лерм.

²⁾ Das Leb. der Seele, II, 222.

ніе статуи на другой языкъ, не была бы достигнута, потому что требуемое эстетическое впечатлѣніе можно получить не отъ совокупности формулъ или словъ, а отъ результата ихъ сложенія, т. е. отъ самой статуи. То же слѣдуетъ сказать о зодествѣ, живописи и музыкѣ по отношенію ихъ другъ къ другу и къ поэзіи, языку и условливаемой ими наукѣ. Различныя направленія человѣческой мысли не повторяютъ другъ друга, потому что не извнѣ принесены и случайны, а вытекаютъ изъ самой сущности человѣка.

Незамѣнимость одного искусства другими или словомъ, не только не противорѣчить, но даже требуетъ такой ихъ связи, по которой одно искусство является условіемъ существованія другого. Не думая браться за рѣшеніе важной и трудной народно-психологической задачи о значеніи поэзіи въ исторіи прочихъ искусствъ, мы упомянемъ только о томъ, что поэзія предшествуетъ всѣмъ остальнымъ уже потому одному, что первое слово есть поэзія. Сначала всѣ искусства служатъ, если не исключительно, то преимущественно религіи, которая развивается только въ языкѣ и поэзіи. Прежде дается человѣку власть надъ члено-раздѣльностью и словомъ, какъ матеріаломъ поэзіи, чѣмъ умѣнѣе справиться со своимъ голосомъ, а тѣмъ болѣе, чѣмъ та степень технического развитія, которая предполагается пластическими искусствами. Отсюда, между прочимъ, можно объяснить, почему гомерическія пѣсни многимъ древнѣе времени процвѣтанія ваянія и зодчества въ Греціи, почему вообще совершеннѣйшія произведенія народной поэзіи относятся къ такимъ временамъ, когда люди не въ состояніи были бы ни понять, ни произвести что либо достойное имени картины или статуи. Принявши, что народная поэзія, какъ и языкъ, есть произведеніе безличнаго творчества, мы найдемъ и другую причину упомянутого явленія, именно, что зодчество, ваяніе и живопись предполагаютъ уже обособленіе и выдѣленіе изъ массы личности художника, слѣдовательно возможность значительной степени самосознанія и познанія природы, коимъ начало полагается языкомъ.

Въ началѣ слово и поэзія сосредоточиваютъ въ себѣ всю эстетическую жизнь народа, заключаютъ въ себѣ зародыши остальныхъ искусствъ въ томъ смыслѣ, что совокупность содержанія, доступнаго только этимъ послѣднимъ, первоначально составляетъ невыраженное и несознанное дополненіе къ слову. До значительной степени это относится и къ музыкѣ. Хотя періоды выдѣленія искусствъ изъ слова давно уже пройдены и забыты высшими слоями человѣчества, и музыка давно уже стала самостоятельнымъ искусствомъ, въ боль-

шинствѣ случаевъ вовсе не требующимъ и, повидимому, непредполагающимъ слова; но въ остальныхъ классахъ почти на нашихъ глазахъ совершается процессъ отдѣленія музыки отъ поэзіи. Только въ болѣе близкія къ намъ времена пѣсня можетъ пѣться ради напѣва, можетъ механически сшиваться изъ обрывковъ почти безъ всякаго вниманія къ содержанію; это предполагаетъ съ одной стороны — паденіе народной поэзіи, зависящее отъ судьбы языка, съ другой — усложненіе музыкальных мотивовъ, т. е. стремленіе выдѣлить и сознать, объективируя въ искусствѣ, чувство, невыразимое словомъ.

Сказанное Ляцарусомъ о нравственномъ развитіи вполне при-
мѣняется и къ художественному: „Всѣ болѣе благородныя, тонкія и
нѣжныя отношенія нравственной жизни могутъ развиваться только
тогда, когда предшествующія ихъ степени достигли полной ясности
сознанія. Нравственная жизнь начинается съ чувствъ и внутреннихъ
образовъ (innere Anschauungen); эти чувства большею частью тем-
ный неопредѣленный предметъ внутренняго воспріятія (der inneren
Wahrnehmung), но они могутъ достигнуть опредѣленности, образо-
ваться въ представленія, которыя обозначаются и упрочиваются сло-
вомъ. Лишь тогда, когда прежнія чувства стали представленіями,
возникаютъ изъ нихъ новыя, болѣе нѣжныя: отрасли чувства дол-
жны стать вѣтвями представленій, и изъ этихъ пускаются новыя
побѣги; языкъ упрочиваетъ и укрѣпляетъ произведенное душою и
тѣмъ даетъ ей возможность перейти къ новой творческой дѣятель-
ности. Такъ происходящее облагороженіе человѣка состоитъ конечно
не въ томъ, что человѣкъ дѣлаетъ первоначальную естественную
жизнь своего чувства предметомъ холодной и отвлеченной рефлексіи;
оно возможно только подъ условіемъ возвышенія естественнаго міра
чувства до степени *духовной* собственности души, до ясныхъ пред-
ставленій“ ¹⁾. Болѣзненное, расслабляющее дѣйствіе анализа своихъ
чувствъ происходитъ только отъ неполноты и несовершенства ана-
лиза, самъ по себѣ, онъ — могущественное средство человѣческаго
развитія. „Такъ и изъ эстетическихъ чувствъ развиваются представ-
ленія, ведущія за собою новыя чувства“ и новыя художественныя
произведенія, быть можетъ непоказывающія на себѣ предшествую-
щаго имъ разложенія мысли посредствомъ слова, подобно тому, какъ
растеніе, повидимому, не носитъ на себѣ слѣдовъ почвы, на кото-
рой выросло.

¹⁾ Das Leb. der Seele II, 202.

Такое же отношеніе языка и поэзіи къ другимъ проявленіямъ собственно-умственной жизни. Изъ языка, первоначально тождественнаго съ поэзіею, слѣдовательно изъ поэзіи, возникаетъ позднѣйшее раздѣленіе и противоположность поэзіи и прозы, которыя, говоря словами Гумбольта, должны быть названы „явленіями языка“. Разумѣется, это можно утверждать только въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорится о выдѣленіи изъ поэзіи всѣхъ остальныхъ искусствъ. Какъ скульптура образуется не изъ поэзіи, и, хотя требуетъ известной степени ея развитія, но есть новый актъ творчества; такъ и проза — не изъ поэзіи, но изъ приготовленной ею мысли ¹⁾. Прозу принимаемъ здѣсь за науку, потому что, хотя эти понятія не всегда тождественны, но особенности прозаическаго настроенія мысли, требующія прозаической формы, въ наукѣ достигаютъ полной определенности и противоположности съ поэзіею.

„И та и другая идетъ отъ дѣйствительности (въ выше определенномъ смыслѣ) къ чему-то ей не принадлежащему“ ²⁾. Дѣйствительность и идея, законъ — моменты общіе и поэзіи, и прозѣ; и въ той и въ другой мысль стремится внести связь и законченность въ разнообразіе чувственныхъ данныхъ; но различіе свойственныхъ имъ средствъ и результатовъ требуетъ, чтобы оба эти направленія мысли поддерживали и дополняли другъ друга до тѣхъ поръ, пока человечество „стремится“.

„Поэзія беретъ дѣйствительность въ чувственномъ проявленіи (wie sie äusserlich und innerlich empfunden wird), не заботясь о томъ, почему (wodurch) она — дѣйствительность, и даже намѣренно устраняя этотъ ея характеръ“. Изъ преобразования чувственныхъ воспріятій, а не изъ какихъ либо другихъ источниковъ, она беретъ, положимъ, что „у царя Трояна козы уши“, но устраняетъ отъ себя повѣрку этого образа новыми воспріятіями, не спрашиваетъ, могли ли Троянъ имѣть козы уши, удовлетворяется тѣмъ смысломъ, какой имѣетъ этотъ образъ самъ по себѣ. „Проза, напротивъ, доискивается въ дѣйствительности именно того, чѣмъ она коренится въ бытіи, тѣхъ волоконъ, которыя связываютъ ее съ этимъ послѣднимъ“ ³⁾. Въ свою очередь она не признаетъ за фактъ того, что у Трояна козы уши“, прельщаясь тѣмъ, что этотъ образъ ведетъ къ сознанію необходимости и связи известныхъ нравственныхъ явленій, или же

¹⁾ Ueb. die Versch. 243.

²⁾ Ib. 230.

³⁾ Ib. 230 — 1.

интересуется этим образом только как феноменом душевной жизни поэта и проч.

В поэзии связь образа и идеи не доказывается, а утверждается, как непосредственное требование духа; в науке подчинение факта закону должно быть доказано, и сила доказательств есть мера истины. Доказательство есть всегда разложение первоначальных данных, а потому только что высказанную мысль можно выразить и иначе, именно: поэтический образ не разлагается во время своего эстетического действия, тогда как научный факт тем более для нас осмыслен, чем более раздроблен, т. е. чем более развилось из него суждений. Отсюда чем легче апперципируются поэтические образы и чем больше происходящее отсюда наслаждение, тем совершеннее и законченнее кажутся нам эти образы, между тем как, напротив, чем лучше понимаем научный факт, тем более поражаемся неполнотою его разработки. Есть много созданных поэзией образов, в которых нельзя ничего ни прибавить, ни убавить; но нет и не может быть совершенных научных произведений. Такая противоположность поэзии и науки уяснится, если сведем ее на отношение простейших стихий той и другой, представления и понятия. В языке поэзия непосредственно примыкает к лишенным всякой обработки чувственным данным; представление, соответствующее идеалу в искусстве, назначенное объединять чувственный образ, во время апперцепции слова до тех пор не теряет своей особенности, пока из чувственного образа не создано понятия и не сформировалось со множеством признаков этого последнего. Наука тоже относится к действительности, но уже после того, как эта последняя прошла чрез форму слова; наука невозможна без понятия, которое предполагает представление; она сравнивает действительность с понятием, и старается уравнивать одно с другим, но так как количество признаков в каждом кругу восприятий неисчерпаемо, то и понятие никогда не может стать замкнутым целым.

Наука раздробляет мир, чтобы снова сложить его в стройную систему понятий; но эта цель удаляется по мере приближения к ней, система рушится от всякого неволевого в нее факта, а число фактов не может быть исчерпано. Поэзия предупреждает это недостижимое аналитическое знание гармонии мира: указывая на эту гармонию конкретными своими образами, нетребуемыми безконечного множества восприятий, и замняя единство понятия единством представления, она некоторым образом возна-

граждает за несовершенство научной мысли и удовлетворяет врожденной человѣку потребности видѣть вездѣ цѣльное и совершенное. Назначеніе поэзіи—не только готовить науку, но и временно устраивать и завершать невысоко отъ земли выведенное ея зданіе. Въ этомъ заключается давно замѣченное сходство поэзіи и философіи. Но философія доступна немногимъ; тяжеловѣсный ходъ ея не внушаетъ довѣрія чувству недовольства одностороннею отрывочностью жизни и слишкомъ медленно испѣляетъ происходящія отсюда нравственные страданія. Въ этихъ случаяхъ выручаетъ человѣка искусство, особенно поэзія и первоначально тѣсно связанная съ нею религія.

Въ обширномъ и вмѣстѣ строгомъ смыслѣ, все достояніе мысли субъективно, т. е. хотя и условлено внѣшнимъ міромъ, но есть произведеніе личнаго творчества; но въ этой всеобъемлющей субъективности можно разграничить объективное и субъективное и отнести къ первому науку, ко второму—искусство. Основанія заключаются въ слѣдующемъ: въ искусствѣ общее достояніе всѣхъ есть только образъ, пониманіе коего иначе происходитъ въ каждомъ, и можетъ состоять только въ неразложенномъ (дѣйствительномъ и исполнѣ личномъ) чувствѣ, какое возбуждается образомъ; въ наукѣ же нѣтъ образа и чувство можетъ имѣть мѣсто только какъ предметъ изслѣдованія; единственный строительный матеріалъ науки есть понятіе, составленное изъ объективированныхъ уже въ словѣ признаковъ образа. Если искусство есть процессъ объективированія первоначальныхъ данныхъ душевной жизни, то наука есть процессъ объективированія искусства. Различіе степеней объективности мысли тождественно съ различіемъ степеней ея отвлеченности: самая отвлеченная изъ наукъ, математика, есть вмѣстѣ самая несомнѣнная въ своихъ положеніяхъ, наименѣ допускающая возможность личнаго взгляда.

Многое заставляетъ предположить, что наша обыденная мысль, которая повидимому только скользитъ по поверхности предметовъ и лишена всякой глубины, что даже эта мысль есть очень сложное и относительно позднее явленіе, составляющее результатъ научнаго анализа, предполагающее еще болѣе поверхностную мысль. Мы можемъ видѣть это, сравнивши отвлеченность разговорнаго нашего языка съ поэтичностью житейскаго, будничнаго языка простонародья, обративши вниманіе на недостижимую для насъ цѣльность мірозерпанія въ простолудинѣ. Тогда напр., какъ образованный человѣкъ со всѣхъ сторонъ окруженъ неразрѣшимыми загадками и за

Если искусство есть процессъ объективированія первоначальныхъ данныхъ душевной жизни

безсвязною дробностью явленій только предполагаетъ ихъ связь
 и гармонію, для народной поэзіи—эта связь дѣйствительно, осяза-
 тельно существуетъ, для нея нѣтъ незаполненныхъ пробѣловъ зна-
 нія, нѣтъ тайнъ ни этой, ни загробной жизни. Наука медленно, но
 неутомимо разрушаетъ эту узкую, но прекрасную цѣльность; она
 расширяетъ предѣлы міра (потому что господство поэзіи возможно
 только тогда, когда напр. земля кончается для насъ тамъ, гдѣ она
 сходится съ небомъ, когда почти совершенно невозможенъ вопросъ,
 на чемъ держится море, по которому плаваетъ китъ, носящій землю
 и т. п.), но вмѣстѣ уменьшаетъ значеніе извѣстнаго по отношенію
 къ неизвѣстному, представляетъ первое только незначительнымъ от-
 рывкомъ послѣдняго. Впрочемъ, должны быть нормальныя отноше-
 нія между противоположными свойствами поэтической и научной
 дѣятельности, должно быть между ними извѣстное равновѣсіе, на-
 рушеніе коего отзывается въ человѣкѣ страданіемъ. Какъ мнѣя при-
 нимають въ себя научныя положенія, такъ наука не изгоняетъ ни
 поэзіи, ни вѣры, а существуетъ рядомъ съ ними, хотя ведетъ съ
 ними споры о границахъ.

Слово только потому есть органъ мысли и непремѣнное усло-
 віе всего позднѣйшаго развитія пониманія міра и себя, что перво-
 начально есть символъ, идеаль и имѣетъ всѣ свойства художествен-
 наго произведенія. Но слово съ теченіемъ времени должно потерять
 эти свойства, равно какъ и поэтическое произведеніе, если ему дана
 столь продолжительная жизнь, какъ слову, кончается тѣмъ, что пе-
 рестаетъ быть собою. То и другое измѣняется не отъ какихъ-либо
 постороннихъ причинъ, а по мѣрѣ достиженія своей ближайшей
 цѣли, по мѣрѣ увеличенія въ говорящемъ и слушающемъ массы
 мыслей, вызываемыхъ образомъ, слѣдовательно, такъ сказать, отъ
 своего собственнаго развитія лишается своей конкретности и образ-
 ности. Напр. пословица „Для дятла клювъ составляетъ зло, бѣду“
 (потому что охотникъ найдетъ его по стуку, подстержетъ и убьетъ,
 Срп. Посл. 78) сначала для говорящаго могла относиться къ одно-
 му случаю; но въ душѣ слушающаго она получила болѣе обшир-
 ное значеніе, т. е. заключенный въ ней образъ вызвалъ идею, быть
 отнесенъ ко всѣмъ подобнымъ случаямъ съ дятломъ вообще и съ
 человѣкомъ. Очевидно, что если бы упомянутое выраженіе не до-
 стигло такой цѣли, то оно не стало бы пословицей. Но измѣненіе
 содержанія влечетъ за собою перемѣну самого образа, какую пред-

положимъ въ другой подобной пословицѣ „Свакатица од свог клю-на гине“. Здѣсь образъ, прежде вполне опредѣленный, допускаетъ уже различныя толкованія; по поводу его мы можемъ думать не только о дятлѣ, который стукомъ клюва невольно открываетъ себя охотнику, но и о всякой птицѣ, которую губитъ необходимость искать пищу и ѣсть. Потеря символизма и вмѣстѣ эстетическаго дѣйствія этой пословицы можетъ произойти для насъ или отъ убѣжденія, что не всегда мы сами виною своего несчастья ¹⁾, или отъ того, что такъ-какъ мы не птицеловы, и имѣемъ другія, самыя разнообразныя занятія, то впечатлѣнія охотничьей жизни, отгѣсненные другими, не придутъ намъ въ голову по первому вызову. Пословица лишится своего смысла потому, что мы станемъ выше ея. Такъ и выраженіе „какъ въ кремнѣ огонь не виденъ“ можетъ превосходно опредѣлять извѣстныя нравственныя свойства человѣка только подъ условіемъ нѣкоторой, хотя бы и умышенной, узости пониманія природы камня и огня. Въ комъ мысль, что огонь таится въ кремнѣ, совсѣмъ вытѣснена болѣе правильными понятіями, для того не существуетъ красота сравненія.

Приведемъ примѣръ подобнаго явленія и въ отдѣльныхъ словахъ. Въ старицу распространено было вѣрованіе, что нравственныя свойства человѣка зависятъ отъ преобладанія одной изъ стихій, изъ коихъ онъ созданъ. Въ приводимой г. Костомаровымъ ²⁾ выпискѣ изъ одного рукописнаго сборника читаемъ: „отъ земли тѣло: тотъ человѣкъ темень, неговорливъ; отъ моря кровь въ человѣцѣ, и тотъ прохладенъ; отъ огня—жаръ: тотъ человѣкъ сердитъ; *отъ каменн кость: тотъ человѣкъ скупъ, немилостивъ*“ и пр. Съ насъ довольно будетъ сказать нѣсколько словъ объ одной стихіи, камнѣ. Указанная здѣсь связь представленій камня—кости ³⁾ и скупости вполне народна, потому что подтверждается языкомъ, представляющимъ довольно примѣровъ перехода значенія отъ камня и кости къ скупости ⁴⁾.

¹⁾ Слѣдовательно отъ безсознательно, быть можетъ, предложеннаго вопроса по какому праву одинъ, именно этотъ признакъ (—представленіе, образъ) служить представителемъ всѣхъ остальныхъ, отъ вопроса объ относительной важности стихій образуемаго понятія.

²⁾ Очеркъ жизни Великор. Нар. Совр. 1860. X.

³⁾ Кость и камень сближаются въ народной поэзіи, а вѣроятно и въ языкѣ. Ср. Срб. посл. „Месо при кости и земля при кршу“ Срп. посл. 177.

⁴⁾ а) *Камень и скупость: кремень, скупецъ; закурничать, скрѣпиться, поскупѣть.* б) *кость и скупость: маклакъ, маклыга, кость и*

Скупость сознавалась въ образѣ камня, кости, пня, предметов туго связанных, сжатого вообще и чего-то твердаго. Такой взглядъ на нравственное качество человѣка, а вмѣстѣ и такая память внутренней формы, возможны только до тѣхъ поръ, пока мы обращаемъ вниманіе на одну сторону скупости, именно на отношенія скупого къ другимъ, на его неподатливость, пока не видимъ, что эта неподатливость можетъ вовсе не быть скупостью. Чѣмъ успѣшнѣе идетъ то обобщеніе и углубленіе, къ которому мысль направлена словомъ, и чѣмъ болѣе содержанія накопляется въ словѣ, тѣмъ менѣе нужна первоначальная точка отправленія мыслей (внутр. ф.), такъ что если дойдемъ до понятія о скупости, какъ о преувеличенномъ и ненормальномъ стремленіи предпочитать возможность наслажденія благами жизни дѣйствительному наслажденію, то необходимо наглядное значеніе такихъ словъ, какъ *маклакъ*, *жила*, затеряется въ толпѣ другихъ признаковъ, болѣе для насъ важныхъ и, на нашъ глазъ, болѣе согласныхъ съ дѣйствительностью. Такимъ образомъ развитіе понятія изъ чувственного образа и потеря поэтичности слова—явленія взаимно условленные другъ другомъ; единственная причина общаго въсѣмъ языкамъ стремленія слова стать только знакомъ мысли, есть психологическая; иначе и быть не можетъ, потому что слово—не статуя, сдѣланная, и потомъ подверженная дѣйствию воздуха, дождя и пр.,

скупецъ; *маклачить*, торговаться, скряжничать, поживляться чужимъ добромъ. Сюда, быть можетъ, относятся *погтевый*, скупой. Въ языкѣ сродны камень и корень: сл. *кор-ень*, *ко-кора*, *кор-га*, происходятъ отъ того же корня *кр.*, который въ словѣ *кре-мень*; при Серб. *кри.*, камень, встрѣчаемъ русск. *кариш*, *кириш*, сучковатый пенъ, колода или каряга, мѣшающая ходу судна; по корню сродны *коло-да* (одного происхожденія съ *колоть*) и *с-кала*, камень, а въ Срб. *стѣна*, *цель* и *Арх. щель*е гранитный невысокій берегъ моря изъ одного цѣльнаго камня. На этомъ основаніи роднятся в) корень и скупость: корень, скряга, суровый, неуступчивый человѣкъ, *кокора кержакъ*, съ тѣмъ же значеніемъ. Сюда, вѣроятно, слѣдуетъ отнести слова *скрыга*, скупецъ и общепотребительное *скряга*. Во всѣхъ приведенныхъ словахъ между значеніемъ камня, кости или корня и скупости посредствуетъ значеніе *твердости* (Ср. Серб. *тверд*, *твердац*, скупъ, скупецъ). Такимъ образомъ и глаг. *жать*, образующій названія скупости, предполагаетъ значеніе *жать*, *крѣпко*, выжимать до тверда: г) *жмытъ*, твердый комъ сѣмени, изъ коего выжато масло и *скряга*; *жмотикъ*; *жмой-да*, *жморъ*, *жомъ*, скупецъ; *комыга*, тоже (Ср. сжать въ комокъ), *кулакъ*, тоже (*сжать* кулакъ). Накопецъ д) отъ значенія вязать (*крѣпко*)—*крѣпкой*, *жила*, *кортика*, скупецъ (см. Областн. слов. и прибавл.).

оно живет только тогда, когда его произносят; его материалъ, звукъ, вполне проникнуть мыслью, и все звуковыя измѣненія, затмѣняющія для насъ значеніе слова, исходятъ изъ мысли.

Но какой бы отвлеченности и глубины ни достигла наша мысль, она не отдѣляется отъ необходимости возвращаться, какъ бы для освѣженія, къ своей исходной точкѣ, представленію. Языкъ не есть только материалъ поэзіи, какъ мраморъ—ваянія, но сама поэзія, а между тѣмъ поэзія въ немъ невозможна, если забыто наглядное значеніе слова. Поэтому народная поэзія при меньшей степени этого забвенія, восстанавливаетъ чувственную, возбуждающую дѣятельность фантазіи сторону словъ посредствомъ такъ называемыхъ эпическихъ выраженій, т. е. такихъ постоянныхъ сочетаній словъ, въ которыхъ одно слово указываетъ на внутреннюю форму другого. Въ нашей народной поэзіи есть еще довольно такихъ простѣйшихъ эпическихъ формулъ, которыя состоятъ только изъ двухъ словъ. Упущая изъ виду различія этихъ формулъ, происходящія отъ синтаксическаго значенія ихъ членовъ („міръ—народъ“, „красна дѣвица“, „косу чесать“, „плакать-рыдать“ и пр.), замѣтимъ только, что цѣль этихъ выраженій—восстановленіе для сознанія внутренней формы—достигается въ нихъ въ разной мѣрѣ и разными средствами. Ближайшее сродство между наглядными значеніями обоихъ словъ—въ такихъ выраженіяхъ, какъ *косу чесать*, гдѣ оба слова относятся къ одному корню. Отличіе отъ полной тавтологіи (напр. „дѣло дѣлать“) здѣсь только въ томъ, что звуковое средство нѣсколько затерлось. Такія постоянныя выраженія, какъ *чорна хмара*, *ясная зоря*, *червона калина*, уже не могутъ быть названы вполне тавтологическими, потому что хотя напр. въ выраженіи *чорна хмара* слово *хмара* само по себѣ означаетъ нѣчто черное, но заключенное въ немъ представленіе чернаго цвѣта безъ сомнѣнія не то, что въ словѣ *черный*. Этимологія найдетъ въ каждомъ языкѣ по нѣскольку далѣе неразложимыхъ корней съ однимъ и тѣмъ же, повидимому, значеніемъ (напримѣръ *и*, откуда *иду*, и *ми*, откуда *міръ*, *мѣра*, *мѣна*), въ которыхъ однако по теоретическимъ соображеніямъ и по различію производныхъ словъ необходимо предположить первоначальное различіе. Еще далѣе другъ отъ друга внутреннія формы словъ въ выраженіяхъ, какъ *дрібенъ дощъ*, гдѣ постоянный эпитетъ поясняетъ внутреннюю форму не своего опредѣляемаго, а его синонима (ср. чеш. *sitno prseti*., гдѣ не только эпитетъ значить *мелко*, но и опредѣляемое *prseti*, дождитъ (*prs*, дождь) сродно съ *прахъ*, пыль, и значить дождитъ мелко), гдѣ оба слова связыва-

Этихъ
выраженій

ются третьимъ, невысказаннымъ, нерѣдко уже совершенно забытымъ въ то время, когда эпическое выраженіе еще живетъ, хотя уже плохо понимается. Во многихъ изъ подобныхъ выраженій особенно ясно видно, что народъ при созданіи ихъ руководился не свойствами новыхъ воспріятій, а именно безсознательнымъ стремленіемъ возобновить забытую внутреннюю форму слова. Напр. постоянный эп. *берегъ—крутой*; хотя множество наблюденій могло убѣдить, что берегъ не всегда крутъ, что сплошь да рядомъ, если одинъ берегъ крутой, то другой—низкій, но эпитетъ остается, потому что слово *берегъ* имѣло у насъ въ старину, какъ теперь *бриѣг* у сербовъ, значеніе горы и находится въ несомнѣнномъ сродствѣ съ нѣм. *Berg*. Наконецъ эпитетъ можетъ пояснять не синонимъ своего опредѣляемаго, а слово, съ которымъ это опредѣляемое находится въ болѣе внутренней связи, напр. *горькія слезы*, потому что слезы отъ горя, а горе—горько. Очевидно, что эти выраженія вовсе не то, что обыкновенное чисто синтаксическое измѣненіе прежняго сказуемаго въ опредѣленіе: такому выраженію, какъ *черная собака*, предполагающему предикативное отношеніе *собака черна*, конечно соответствуетъ выраженіе *горькія слезы*, предполагающія выраженіе *слезы горьки*, но это послѣднее есть постоянное эпич. выраженіе, связанное не прямо единствомъ чувственного образа, какъ выраж. *собака черна*, а посредственно, отразившееся въ самомъ языкѣ связью. И такія формулы могутъ слѣдовательно служить важнымъ указаніемъ для этимолога.

Вслѣдствіе постепеннаго усложненія отношеній между составными частями эпическихъ формулъ, на дѣлѣ бываетъ трудно отличить эти послѣднія отъ неэпическихъ, съ коими они незамѣтно сливаются. Можно только сказать, что чѣмъ больше вглядываешься въ народную пѣсню, сказку, пословицу, тѣмъ болѣе находишь сочетаній, необходимо условленныхъ предшествующею жизнью внутренней формы словъ, тогда какъ въ произведеніи современнаго поэта такое чутье внутренней формы является только какъ случайность (у Голя „*лапы листья*“, гдѣ опредѣляющее одного происхожденія съ листъ, ср. Лит. Iaras листъ древесный, съ нашими *лепестокъ*, *лопухъ* и др.), да и не нужно, судя потому, что его отсутствіе никакъ не замѣчается. Разумѣется, мы говоримъ не объ отсутствіи пониманія языка вообще, а объ томъ, что новые поэты не такъ проникнуты стариною языка, какъ простонародная поэзія.

Въ столь же тѣсной связи съ языкомъ находятся и болѣе сложные постоянныя выраженія народной поэзіи; ихъ послѣдова-

тельные измѣненія можно считать такимъ же возстановленіемъ внутренней формы отдѣльныхъ словъ, какъ и вышеупомятыя простѣйшія двучленные сочетанія. Напр. въ слѣдующей малорусской пѣснѣ:

„Зеленая явірочка!
 Чомъ ти мала-невеличка?
 Чи ти росту не великого?
 Чи кориння не глубокого?
 Чу ти листу не широкого?
 Молодая Марусечко!
 Чомъ ти мала-невеличка?
 Чи ти роду не великого?
 Чи ти батька не богатого?
 Чи ты матки не розумної?“

Сравненіе широты листа съ умомъ матери никонимъ образомъ не можетъ быть выведено изъ непосредственнаго разложенія воспріятій. Напротивъ, это сравненіе, глубоко коренящееся въ языкѣ и составляющее (въ нѣсколько другой формѣ) общее достояніе славяно-литовскаго племени (а можетъ быть и другихъ индо-европейскихъ племенъ), возможно единственно потому, что въ отдѣльныхъ словахъ существовало до него сближеніе разума и слова, слова и шума, шума листьевъ и ихъ широты. Считаемо лишнимъ здѣсь доказывать это; если приведенный примѣръ и не годится, то на его мѣсто можно прискаты сотни другихъ, вполне убѣждающихъ, что современныя намъ самыя мелкія явленія народной поэзіи, построены на основѣ, слагавшейся въ теченіе многихъ тысячелѣтій. Замѣтимъ только, чтобы оправдать употребленное нами слово *возстановленіе*, что возстановленіе внутренней формы есть не безразличная для развитія починка стараго, а созданіе новыхъ явленій, свидѣтельствующее объ успѣхахъ мысли. Новый актъ творчества прибавляетъ къ своимъ историческимъ послылкамъ нѣчто такое, чего въ нихъ не заключалось. Измѣняется не только содержаніе сравненія, но и напряженность сравнивающей силы; обнимая въ единствѣ сознанія отношенія листа, шума, слова и разума, человекъ дѣлаетъ больше и лучше, чѣмъ переходя только отъ шума къ листу. Мѣняются и формы перехода отъ одного члена сравненія къ другому, и смыслъ этихъ измѣненій вполне подтверждаетъ положеніе, что и поэзія не есть выраженіе готоваго содержанія, а, подобно языку, могущественное средство развитія мысли.

Немногія замѣчанія, которыя мы намѣрены сдѣлать объ этомъ, начнемъ со слѣдующаго: всѣ сравненія первобытной и, если такъ можно выразиться объ искусствѣ, безыскусственной поэзіи, построены такимъ образомъ, что символъ предшествуетъ обозначенному. Нельзя сказать, чтобы такія очень обыкновенныя выраженія, какъ „у хаті въ її, якъ у віночку; хлѣбъ випеченой, якъ соннице; сама сидишь, якъ квіточка“ (Зап. о Ю. Р.) не были основаны на внутренней формѣ словъ; но выраженный въ нихъ переходъ мысли отъ представленія главнаго предмета, который и самъ по себѣ ясенъ, къ представленію другаго предмета, прибавляющаго къ первому только новую черту, есть уже довольно сложное и позднее явленіе. Если бы сравниваемый предметъ первоначально могъ предшествовать своему символу, то слѣдовало бы предположить, что слово можетъ выражать предметъ самъ по себѣ, при чемъ и самое сравненіе оказалось бы лишнимъ, потому что мысль и безъ него постигла бы сущность предмета. Но сравненіе необходимо: выше мы старались показать, что нельзя представить себѣ перваго двучленнаго предложенія иначе, какъ въ видѣ сравненія, что и одно слово въ живой рѣчи есть переходъ отъ чувственного образа къ его представленію или символу, и потому должно быть названо сравненіемъ. И въ словѣ, и въ развитомъ сравненіи исходная точка мысли есть воспріятіе явленія, непосредственно дѣйствующаго на чувства; но въ собственномъ сравненіи это явленіе апперципируется или объясняется два раза: сначала—непосредственно, въ той половинѣ сравненія, которая выражаетъ символъ, потомъ—посредственно, вмѣстѣ съ этою—во второй половинѣ, содержаніе коей болѣе близко къ самому мыслящему и менѣе доступно непосредственному воспріятію. Такъ въ двустишіи:

„Ой зірочка зійшла, усе поле освітила,
А дівчина внишла, козаченька звеселила“

поэтическое, образное пониманіе втораго стиха возможно только подъ условіемъ перехода мысли отъ зори къ дѣвицѣ, отъ свѣта къ веселью, потому что хотя слова *зоря*, *дівниця* и сами по себѣ, каждое по своему, указываютъ на свѣтъ, но это ихъ этимологическое значеніе дается далеко не съ перваго разу. Ясно также, что упомянутый переходъ требуется не объективными свойствами звѣзды, свѣта, дѣвицы, веселья, а относительно субъективнымъ ихъ изображеніемъ въ языкѣ, отношеніями представленій зори и дѣвицы, свѣта и красоты, свѣта и веселья, установленными только системою языка.

Извѣстно, что содержаніе народной поэзіи составляет не природа, а человѣкъ, т. е. то, что есть самаго важнаго въ мірѣ для человѣка. Если человѣкъ обставляется въ ней картинами природы въ такихъ напр. началахъ пѣсенъ, какъ слѣдующее:

„Летивъ крычокъ на той бочокъ,

Жалібненко крикнувъ;

Горе жъ мені на чужині,

Що я не привикнувъ“, или:

„Подъ горою високою

Голуби літають;

Я роскоши не зазнаю,

А літа минають“,

то это дѣлается не изъ какихъ либо артистическихъ соображеній, не потому, почему живописецъ окружаетъ группу лицъ приличнымъ ландшафтомъ; какъ бы ни былъ этотъ ландшафтъ тѣсно связанъ въ воображеніи живописца съ лицами картины и какъ бы онъ ни былъ необходимъ для эстетическаго дѣйствія этой картины, но онъ можетъ быть оставленъ въ чернѣ или только намѣченъ, тогда какъ человѣческія фигуры уже окончены, или наоборотъ. Въ поэзіи, на той ступени ея жизни, къ какой принадлежать примѣры, подобные приведеннымъ, необходимость начинать съ природы существуетъ независимо отъ сознанія и намѣренія, и потому ненаружима; она, такъ сказать, размахъ мысли, безъ котораго не существовала бы и самая мысль. Человѣкъ обращается внутрь себя только отъ внѣшнихъ предметовъ, познаетъ себя сначала только внѣ себя; внутренняя жизнь всегда имѣетъ для человѣка непосредственную цѣну, но сознается и уясняется только исподоволь и посредственно.

Хотя общій тонъ пѣсни опредѣленъ еще до ея начала настроеніемъ пѣвца, хотя въ этомъ настроеніи должны заключаться причины, почему изъ многихъ наличныхъ воспріятій внѣшней природы мысль обращается къ тѣмъ, а не другимъ, почему въ данномъ случаѣ пѣвецъ выразитъ въ словѣ полетъ птицы, а не другой предметъ, вмѣстѣ съ этимъ обнимаемый его взоромъ; но тѣмъ не менѣе въ началахъ, въ родѣ упомянутыхъ, слышится нѣчто произвольное. Кажется, будто природа импонируетъ человѣку, который освобождается отъ ея давленія лишь по мѣрѣ того, какъ посредствомъ языка слагаетъ внѣшнія явленія въ систему и осмысливаетъ ихъ, связывая съ событіями своей душевной жизни.

Къ положительному сравненію, или что на тоже выйдетъ, къ представленію и значенію, какъ стихіямъ отдѣльнаго слова, примы-

каютъ примѣты. При нѣкоторомъ знакомствѣ съ языкомъ легко замѣтить, что примѣта въ своемъ древнѣйшемъ видѣ есть развитие отдѣльнаго слова, видоизмѣненіе сравненія. Такъ примѣта „если звенитъ въ ухѣ, то говорятъ объ насѣ“ образовалась только потому, что до нея было въ языкѣ сренненіе звона со словомъ. Однако примѣта заключаетъ въ себѣ моменты, какихъ не было въ сравненіи. Въ послѣднемъ символъ только приводилъ на мысль значеніе, и связь между тѣмъ и другимъ представлялась существующею только для мыслящаго субъекта и внѣшней по отношенію къ сравниваемымъ явленіямъ; въ примѣтѣ эта связь переносится въ самыя явленія, оказывается существенною принадлежностью ихъ самихъ: крикъ филина можетъ быть незамѣченъ тѣмъ, кому онъ вѣщуется смерть, но тѣмъ не менѣе этотъ человѣкъ долженъ умереть; лента, видѣнная мною во снѣ, предвѣщаетъ *мнѣ* дорогу, хотя я самъ и не могу объяснить себѣ этого сна. При томъ примѣта предполагаетъ, что лежащіе въ ея основаніи члены сравненія тѣсно ассоціировались между собою и расположились такъ, что въ дѣйствительности данъ только первый, вызывающій своимъ присутствіемъ *ожиданіе* второго. Въ сравненіи: „погасла свѣча, не стало такого то“ оба члена или на лицо, или, если только въ мысли, то такъ, что не требуютъ дополненія со стороны новыхъ воспріятій; но въ примѣтѣ „его свѣча (горѣвшая передъ нимъ или въ его рукахъ въ извѣстномъ торжественномъ случаѣ) погасла, онъ умретъ“ второй членъ есть ожидаемое событіе. Почти то же будетъ, если вмѣсто неизвѣстнаго будущаго поставимъ неизвѣстное же, представляемое происходящимъ теперь или свершившимся. Во всякомъ случаѣ, примѣта по отношенію къ сравненію есть пріобрѣтеніе мысли, расширеніе ея горизонта.

Примѣта не есть причинное отношеніе членовъ сравненія: звонъ, слышимый мною въ ухахъ, не производитъ пересудовъ обо мнѣ, и хотя находится съ ними въ предметной связи, но такъ, что связь эта для меня совершенно неопредѣлена; однако отъ примѣты — ближайшій переходъ къ причинной зависимости. Образованіе категоріи причины объясняютъ сочетаніемъ доставляемыхъ общимъ чувствомъ впечатлѣній напряженія мускуловъ съ мыслию о желаемомъ предметѣ. Простѣйшія условія появленія этой категоріи находимъ уже въ ребенкѣ. Въ немъ воспоминаніе его собственного крика, требующаго извѣстныхъ усилій, ассоціировалось съ воспоминаніемъ того, что, вслѣдъ за крикомъ, его начинали кормить; онъ пользуется крикомъ, какъ средствомъ производить или получать пищу, но еще

не имѣть категоріи причины. Для созданія этой послѣдней нужно перенести отношенія своихъ усилій къ вызываемому ими явленію на взаимныя отношенія предметовъ, существующія независимо отъ мыслящаго лица и постигаемыя имъ только посредственно. Этотъ процессъ застаеъ уже въ языкѣ сравненіе и примѣту и примыкаетъ къ нимъ. Для насъ по крайней мѣрѣ болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ чарахъ, такъ называемыхъ теперь симпатическихъ средствахъ и тому подобныхъ явленіяхъ, основанныхъ на языкѣ, человѣкъ впервые пришелъ къ сознанію причины, т. е. создалъ ее. Невозможно объяснить, какъ человѣкъ сталъ лечить болѣзнь (рожу и мн. друг.) огнемъ, если упустишь изъ виду, что до этого существовало сравненіе огня съ болѣзнью, представленіе послѣдней огнемъ; никому бы не пришло въ голову распускать ложные слухи, для того, чтобы отливаемый въ это время колоколъ былъ звонче, еслибъ еще прежде не было въ сознаніи сближенія звона и рѣчи, молвы. Подобными отношеніями даже въ глазахъ современнаго простолюдина связано многое въ мірѣ, а прежде было связано все.

Устанавливаемая такимъ путемъ связь между явленіями субъективна съ точки той связи, которая намъ кажется истинною и внесена въ наше міросозерцаніе умственными усиліями многихъ тысячелѣтій; но понятія объективнаго и субъективнаго—относительны, и безъ сомнѣнія придетъ время, когда то, что намъ представляется свойствомъ самой природы, окажется только особенностію взгляда нашего времени. Для пониманія важности, какую имѣлъ для человѣка совершившійся въ языкѣ переходъ отъ сравненія къ причинѣ, слѣдуетъ представлять эту первобытную категорію причины не неподвижнымъ результатомъ относительно слабой умственной дѣятельности, а живымъ средствомъ познавать новое. Нѣтъ ничего легче, какъ съ высоты, на которую безъ нашей личной заслуги поставило насъ современное развитіе человѣчества, презрительно взирать на все, отъ чего мы уже отошли на нѣкоторое разстояніе. Гордясь напр. тѣмъ, что мы уже не вѣримъ въ примѣты, что мы уже не язычники, безъ особенныхъ усилій мысли можемъ объявить все, связанное съ созданіемъ міоовъ, за уродливый плодъ болѣзненнаго воображенія, за горячечный бредъ. Но и при полномъ убѣжденіи въ законности того младенческаго пониманія явленій и ихъ связи, какое видимъ въ языкѣ, весьма трудно заполнить пропасть, отдѣляющую это пониманіе отъ научнаго. Впрочемъ, мысль о непрерывной причинной связи простѣйшихъ проявленій умственной дѣятельности съ наиболѣе сложными давно уже не новость. Мы при-

ведемъ относящееся сюда мѣсто изъ Жанъ-Поля, который, какъ педагогъ и вообще какъ мыслящій человекъ, хорошо понималъ чрезвычайную важность первыхъ шаговъ дѣтской мысли для позднѣйшаго развитія.

„На низшей степени, тамъ гдѣ еще только начинается человекъ (и кончается животное) первое легчайшее сравненіе двухъ представлений.... есть уже острота (Witz)“ ¹⁾. „Остроумныя сближенія суть первородныя созданія стремленія къ развитію, и переходъ отъ игры остроумія къ наукѣ есть только шагъ, а не скачекъ... Всякое изобрѣтеніе есть сначала только острота“ ²⁾. Остроуміе (Witz) есть непосредственное творчество. „Самое слово (Witz) обозначало прежде способность знать, какъ и англ. гл. *wit*, знать, существ. *wit*, разсудокъ, разумъ, смыслъ. Вообще довольно часто одно слово обозначаетъ и остроуміе, и духъ вообще: ср. *esprit*, *spirit*, *ingeniosus*“.

„Точно такимъ образомъ, какъ и остроуміе, но съ большею напряженностью сравниваетъ и проницательность ума (Scharfsinn) и глубокомысліе (Tiefsinn)“.

„Съ объективной стороны эти три направленія разнятся между собою. Остроуміе находитъ отношеніе сходства, т. е. частнаго равенства, скрытаго за бѣльшимъ несходствомъ; проницательность—отношеніе несходства, т. е. частнаго неравенства, скрываемаго преобладающимъ равенствомъ; глубокомысліе за обманчивою наружностью явленій находитъ полное равенство“....

„Остроуміе сравниваетъ преимущественно несоизмѣримыя величины, ищетъ сходства между міромъ тѣлеснымъ и духовнымъ (напр. солнце-истина), другими словами—уравниваетъ себя съ тѣмъ, что внѣ, слѣдовательно—два непосредственныхъ воспріятія (Anschauungen).... Отношеніе, находимое остроуміемъ—наглядно“ (есть первичное, постигаемое слушателемъ сразу), тогда какъ, напротивъ, проницательность, въ найденныхъ уже отношеніяхъ соизмѣримыхъ и сходныхъ величинъ находящая и различающая новыя отношенія... требуетъ, чтобы читатель (или слушатель) повторилъ за изслѣдователемъ весь трудъ изслѣдованія. Проницательность, какъ остроуміе,

¹⁾ Jean Paul's Sämmtl. W. XVIII. Vorschule d. Aesth. § 45.

²⁾ „Die Erstgeburten des Bildungstriebes sind witzige. Auch ist der Uebergang von der Messkunst zu den elektrischen Kunststücken des Witzes... mehr ein Nebenschritt, als ein Uebersprung... Jede Erfindung ist anfangs ein Anfall“. Ib. t. XXIII, 93.

возведенное въ степень, сравнивающее не предметы, а сравненія, согласно со своимъ нѣмецкимъ именемъ (*Scharfsinn*; острое раздѣлять, разсѣкаетъ), съизнова дѣлитъ данныя уже сходства“.

„За тѣмъ развивается третья сила, или лучше сказать одна и та же совсѣмъ всходитъ на горизонтъ. Это—глубокомысліе.... которое стремится къ равенству и единству всего того, что наглядно связано остроуміемъ и разсудочно (*verständlich*), разрознено проникательностью. Глубокомысліе—сторона человѣка, обращенная къ незримому и высочайшему“¹⁾.

По поводу этой выписки замѣтимъ слѣдующее:

Во первыхъ, на счетъ самого слова *остроуміе*. Никакой разумный педагогъ не усумнится, что игра ребенка заключаетъ въ себѣ въ зародышѣ и преобразуетъ позднѣйшую дѣятельность, свойственную только взрослому человѣку, точно такъ, какъ слово есть первообразъ и зародышъ позднѣйшей поэзіи и науки. Извѣстна также характеризующая ребенка смѣлость, съ какою онъ объясняетъ свои наличныя воспріятія прежними: неуклюжій кусокъ дерева превращается въ его воображеніи и въ лошадь, и въ собаку, и въ человѣка въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Дитя совершенно серьезно принимаетъ къ сердцу оскорбленія, въ шутку наносимыя его куклѣ, потому что апперципировало ея образъ тѣми рядами воспріятій, которые ложатся въ основаніе нашего уваженія къ *человѣческому* достоинству, любви къ ближнему и т. п. и сравнило между собою куклу и себя, предметы для насъ весьма различныя. Факты, подобные послѣднему, показываютъ, что считать эти первоначальныя сближенія за остроты въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова—такъ же ошибочно, какъ въ первой дѣятельности ребенка находить границы между трудомъ и развлеченіемъ, въ первомъ словѣ—видѣть прилагательное или глаголѣ. Называя извѣстное сближеніе остроумнымъ, мы тѣмъ самымъ предполагаемъ въ себѣ сознаніе другихъ отношеній, которыя считаемъ истинными; если же намъ нечему противопоставить остроты, то она есть для насъ полная истина.

Во вторыхъ: средство, разрушающее прежнія сравненія (и причинныя отношенія сравниваемыхъ членовъ), сила, называемая Жанъ-Полемъ „*Scharfsinn*“, есть не что иное, какъ отрицаніе; по крайней мѣрѣ это послѣднее имѣетъ всѣ признаки, находимыя Жанъ-Полемъ въ проникательности.

¹⁾ Ibid. t. XVIII, § 43.

а) Отрицаніе есть отношеніе соизмѣримыхъ величинъ. *Non-A* само по себѣ, независимо отъ всего остального, немислимо, не заключаетъ въ себѣ никакихъ причинъ, по которымъ оно могло бы прийти на мысль. Полное отрицаніе невозможно. Такъ какъ дѣйствительность даетъ мысли только положительные величины, то отрицаніе должно быть результатомъ извѣстнаго столкновенія этихъ величинъ въ сознаніи. Какъ происходитъ это столкновеніе, можно видѣть изъ слѣдующаго: если кто говоритъ: „эта бумага *не бѣлая*“, то, значить, первое впечатлѣніе заставило его воспроизвести прежнюю мысль о бѣлизнѣ бумаги, а слѣдующее вытѣснило эту мысль изъ сознанія. Первый актъ мысли образовалъ сужденіе положительное, въ которомъ одна стихія вызывала другую, т. е. имѣла съ нею общія стороны; но предикатъ не могъ удержаться при давленіи слѣдующаго воспріятія, которое будетъ выражено и словомъ, если скажемъ: „это не бѣлая, а сѣрая бумага“. Раздѣлимъ противорѣчащія другъ другу предикаты такимъ количествомъ другихъ актовъ мысли, которое достаточно для того, чтобы, при мысли о сѣрой бумагѣ, помѣшать воспроизведенію мысли о бѣлизнѣ и мы получимъ положительное сужденіе „бумага сѣра“. Отсюда видно, что отрицаніе есть сознаніе процесса замѣщенія одного воспріятія другимъ, непосредственно за нимъ слѣдующимъ. Для измѣненія предполагаемаго чистаго *non A* въ дѣйствительную величину, т. е. въ *неполное* отрицаніе, необходимо прибавить къ нему обстоятельство, вызывающее его въ сознаніе; это обстоятельство можетъ быть только положительною величиною, однородною и сравниваемою съ *non A*. Легко примѣнить это къ языку и простѣйшимъ формамъ поэзіи. И здѣсь основная форма есть положительное сравненіе: отрицаніе примыкаетъ къ нему, развивается изъ него, *есть* первоначально *отрицательное сравненіе*, и только впослѣдствіи стираетъ съ себя печать своего происхожденія. Какъ будто нѣсколько книжная пословица „власть не сласть, а воля не завидная доля“ возможна только потому, что въ языкѣ рождаются представленія свободы и счастья, что воля есть именно завидная доля. Кашебская пословица „тъма не ѣсть людей, но валить ихъ съ ногъ“ предполагаетъ мысль, что тъма дѣйствительно ѣсть людей, что будетъ понятно, если вспомнимъ, что *тъма* (поль. *ста*, ночной мотылекъ) есть мифическое существо, тождественное съ сер. вѣшницею, съѣдающею сердце. Такъ и во многихъ другихъ случаяхъ. Поэтому намъ кажется весьма древнею такая форма отрицанія, въ которой этому послѣднему предшествуетъ утвердительное сравненіе:

И по той бікъ гора,
 И по сей бікъ гора,
 А міжъ тими та гіроньками
 Ясная зоря;
 Ой тожъ не зоря,
 Ой тожъ не ясна,
 Ой тожъ, тожъ моя та дівчинонька
 По воду пішла.

Судя по сжатости и темнотѣ, позднѣе упомянутой, такая форма, въ которой положительное сравненіе не выражается словами:

Не буйные вѣтры понавѣяли,
 Незванные гости понавѣхали.

Примѣненіе созданныхъ уже категорій къ наукѣ въ сущности есть повтореніе тѣхъ приѣмовъ мысли, коими создавались эти категоріи. Первое научное объясненіе факта соотвѣтствуетъ положительному сравненію; теорія, разбивающая это объясненіе, соотвѣтствуетъ простому отрицанію. Для человѣка, въ глазахъ котораго рядъ заключенныхъ въ языкѣ сравненій есть наука, мудрость, поэтическое отрицаніе есть своего рода разрушительная критика.

б) Изъ предшествующаго видно и второе сходство отрицанія съ пронипательностью, именно большая сложность сочетаній въ отрицаніи, чѣмъ въ сравненіи. Впрочемъ, эта сложность безъ дальнѣйшихъ опредѣленій столь же мало можетъ быть исключительнымъ признакомъ отрицанія, какъ и предполагаемая его пониманіемъ необходимость прослѣдить весь предшествующій ходъ мысли. Не то ли самое въ сложномъ сравненіи, напр., листьявъ съ разумомъ, или пера со словомъ?

Хотя исходная точка языка и сознательной мысли есть сравненіе и хотя все же языкъ происходитъ изъ усложненія этой первоначальной формы, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы мысль говорящаго при каждомъ словѣ должна была проходить всѣ степени развитія, предполагаемыя этимъ словомъ. Напротивъ, въ большинствѣ случаевъ необходимо забвеніе всего предшествующаго послѣдней формѣ нашей мысли. Какимъ образомъ, напр., возможно было бы существованіе научнаго понятія о силѣ, если бы слово *сила* (корень *си*, вязать) постоянно приводило на мысль представленіе *вязанья*, бывшее однимъ изъ первыхъ шаговъ мысли идеализирующей чувственные воспріятія, но уже постороннее для понятія силы?

Языкъ представляетъ множество доказательствъ, что такіа явленія, которыя, повидимому, могли бы быть непосредственно сознаны и выражены словомъ, на самомъ дѣлѣ предполагаютъ продолжительное подготовленіе мысли, оказываются только послѣднею въ ряду многихъ предшествующихъ, уже забытыхъ инстанцій. Таковы напр. дѣятельности *бѣжать*, *бѣлать*, предметы въ родѣ частей тѣла и проч. Предположимъ напр., что слово *gr. gar* (или какая нибудь болѣе древняя его звуковая форма) имѣетъ первоначальное значеніе горѣнія и огня. Въ этомъ словѣ апперципируется потомъ уменьшеніе горючаго матеріала при горѣніи и уменьшеніе снѣди, по мѣрѣ того какъ бѣдятъ, откуда слова *жрѣти*, *жрать*, получаютъ значеніе *ѣсть*. Въ словѣ съ этимъ послѣднимъ значеніемъ сознается чувственный образъ горла, которое сначала представляется только пожирающимъ, истребляющимъ пищу, подобно огню. Такое значеніе апперципируетъ образы, обозначенные тѣми же, или подобными звуками: *Mr. жсерело, girlo* (устье). *Вр. жсерло* и т. п. Преобладающее въ послѣднихъ словахъ значеніе отверстія (кажется болѣе сложное, чѣмъ зн. человѣческаго горла) очень далеко отъ первоначальнаго значенія огня, и потому не приводитъ его на память; степень забвенія мысли *A* соотвѣтствуетъ количеству другихъ мыслей, отдѣляющихъ ее отъ *B*, которое въ эту минуту находится въ сознаніи; благодаря этому въ приведенномъ выше примѣрѣ мысль можетъ сосредоточиться на значеніи отверстія, не возвращаясь на пути, которыми пришла къ его сознанію.

По мѣрѣ того, какъ мысль посредствомъ слова идеализируется и освобождается отъ подавляющаго и раздробляющаго ее вліянія непосредственныхъ чувственныхъ воспріятій, слово лишается исподоволь своей образности ¹⁾. Тѣмъ самымъ полагается начало прозѣ, сущность коей—въ извѣстной сложности и отвлеченности мысли. Нельзя сказать, когда начинается проза, какъ нельзя точно опредѣлить времени, съ котораго ребенокъ начинаетъ быть юношей. Первое появленіе прозы въ письменности не есть время ея рожденія.

¹⁾ Мы нигдѣ здѣсь не упоминали о происхожденіи формальныхъ, или, какъ говоритъ Гумбольтъ, „субъективныхъ“ словъ, „исключительное содержаніе коихъ есть выраженіе личности или отношенія къ ней“, но полагаемъ, что и эти слова, подобно „объективнымъ, описательнымъ и повѣствовательнымъ, означающимъ движенія и пр. безъ отношенія въ личности“ (Humb. üb. die Versch. 114, 116, 122), что и эти слова въ свое время не были лишены поэтической образности.

Начало прозы
Сущность прозы въ отвлеченности
Сложности и отвлеченности мысли и пр. и пр.

денія, еще до этого она уже есть въ разговорной рѣчи, если входящія въ нее слова—только знаки значеній, а не, какъ въ поэзіи, конкретные образы, пробуждающіе значеніе.

Количество прозаическихъ стихій въ языкѣ постоянно увеличивается согласно съ естественнымъ ходомъ развитія мысли; самое образованіе формальныхъ словъ—грамматическихъ категорій есть подрывъ пластичности рѣчи. Проза рождается не во всеоружіи, и потому можно сказать, что прежде было ея меньше, чѣмъ теперь. Тѣмъ не менѣе, не противорѣча мысли, что различныя степени живости внутренней формы словъ въ различныхъ языкахъ могутъ уславливать большую или меньшую степень поэтичности народовъ, что напр. такіе прозрачные языки какъ славянскіе и германскіе, болѣе выгодны для поэтического настроенія отдѣльных лицъ, чѣмъ французскій, слѣдуетъ прибавить, что нѣтъ такого состоянія языка, при которомъ слово тѣми или другими средствами не могло получить поэтического значенія. Очевидно только, что характеръ поэзіи долженъ мѣняться отъ свойства стихій языка, т. е. отъ направленія образующей ихъ мысли и количества предполагаемыхъ ими степеней. Исторія литературы должна все болѣе и болѣе сближаться съ исторіею языка, безъ которой она такъ же ненаучна, какъ фізіологія безъ химіи.

Важность забвенія внутренней формы—въ положительной сторонѣ этого явленія, съ которой оно есть усложненіе, или, какъ говоритъ Ляцарусъ, *сгущеніе* мысли. Самое появленіе внутренней формы, самая апперцепція въ словѣ сгущаетъ чувственный образъ, замѣняя всѣ его стихіи однимъ представленіемъ, расширяя сознаніе, сообщая возможность движенія большимъ мысленнымъ массамъ ¹⁾. За тѣмъ, въ ряду вырастающихъ изъ одного корня представленій и словъ, изъ коихъ послѣдующія исподоволь отрываются отъ предшествующихъ и теряютъ слѣды своего происхожденія, сгущеніемъ можетъ быть названъ тотъ процессъ, въ силу котораго становится простымъ и не требующимъ усилія мысли то, что прежде было мудрено и сложно. Многіе на вопросъ, ходятъ ли они, воспринимаютъ ли извнѣ дѣйствія, какъ *копать*, *рубить*, или качества, какъ *зелень* и проч., отвѣтятъ утвердительно, не обративъ вниманія на противорѣчіе, заключенное въ вопросѣ (чувственное воспріятіе качества или дѣйствія, вообще неподлежащаго чувствамъ) и не думая

¹⁾ Steinth. Gr. L. v. Ps. 331. 334. Zeitschr. für Philos. v. Fichte etc. XXXII. 218.

о томъ, что можно вовсе не сознать ни дѣйствія, ни качества. Известно, что истина, добытая трудомъ многихъ поколѣній, потомъ легко дается даже дѣтямъ, въ чемъ и состоитъ сущность прогресса; но менѣе известно, что этимъ прогрессомъ человекъ обязанъ языку. Языкъ есть потому же условіе прогресса народовъ, почему онъ органъ мысли отдѣльнаго лица.

Легко увѣриться, что широкое основаніе дѣятельности потомковъ, приготовляемое предками—не въ наслѣдственныхъ физиологическихъ расположеніяхъ тѣла, и не въ вещественныхъ памятникахъ прежней жизни. Безъ слова человекъ остался бы дикаремъ среди изящнѣйшихъ произведеній искусства, среди машинъ, картъ и т. п., хотя бы видѣлъ на дѣлѣ употребленіе этихъ предметовъ, потому что какъ же учить нѣмымъ примѣромъ даже наукамъ, требующимъ наглядности, какъ передать безъ словъ такіа понятія, какъ наука, истина и пр.? Одно только слово есть *monumentum aere perennius*; одно оно относится ко всемъ прочимъ средствамъ прогресса (къ которымъ не принадлежитъ ихъ источникъ, человѣческая природа) какъ первое и основное.

Мысль о наслѣдственности содержанія языка заключаетъ въ себѣ противорѣчіе и требуетъ нѣкоторыхъ дополненій. Возможность объяснить значеніе языка для мысли вся основана на предположеніи, что мысль развивается изнутри; между тѣмъ сообщеніе опыта, какъ чего-то внѣшняго, нарушаетъ эту субъективность развитія. Выше мы видѣли, что языкъ есть полнѣйшее творчество, какое только возможно человеку, и только потому имѣетъ для него значеніе; здѣсь возвращаемся къ упомянутому уже въ началѣ факту, что мы перенимаемъ, беремъ готовый языкъ, факту, который одинаково можетъ быть обращенъ и противъ мнѣнія о сознательномъ изобрѣтеніи, и о бессознательномъ возрастаніи языка изъ глубины души. Эти недоумѣнія не трудно рѣшить на основаніи предшествующаго.

Что передаемъ мы ребенку, который учится говорить? Научить, какъ произносятся звуки, мы не можемъ, потому что сами большею частью не знаемъ, да еслибъ и знали, то учить бы могли только на словахъ. Дитя произносить звуки, т. е. въ немъ такъ же дѣйствуетъ тѣлесный механизмъ, какъ и въ первомъ человекѣ; оно любитъ повторять услышанныя слова, причемъ создавало бы новые членораздѣльные звуки въ силу дѣйствія внѣшнихъ впечатлѣній, если бы не было окружено уже готовыми. Даже тогда, когда мы прямо показываемъ, какъ обращаться напр. съ перомъ, мы

не передаемъ ничего, и только возбуждаемъ, даемъ другому случай получить впечатлѣніе, которое внутренними, почти неизслѣдимыми путями проявляется въ дѣйствіи. Еще менѣе возможна передача значенія слова. Значеніе не передается, и повторенное ребенкомъ слово до тѣхъ поръ не имѣетъ для него смысла, пока онъ самъ не соединитъ съ нимъ извѣстныхъ образовъ, не объяснитъ его воспріятіями, составляющими его личную, исключительную собственность. Апперцепція есть конечно явленіе вполнѣ внутреннее. Дитя можетъ придавать суффиксу—*овъ* значеніе лица, производящаго то, что обозначено корнемъ, можетъ думать, что Пороховъ—тотъ, что порохъ дѣлаетъ; но всякое ложное пониманіе было бы невозможно, еслибъ значеніе давалось извнѣ, а не создавалось понимающимъ.

Говорящіе даютъ ребенку только случай замѣтить звукъ. По выраженію Ляпаруса, воспріятіе ребенкомъ пустаго звука можно сравнить съ астрономическимъ открытіемъ, что на такомъ то мѣстѣ неба должна быть звѣзда; открытіе самой звѣзды, условленное этимъ—то же, что созданіе значенія звуку. Мы уже упомянули, что сознаніе въ словѣ многихъ предметовъ, подлежащихъ чувствамъ, является относительно поздно. Безъ помощи языка, въ которомъ есть сл. *горло*, столько же поколѣній должно бы было трудиться надъ выдѣленіемъ горла изъ массы прочихъ воспріятій, сколько нужно было для созданія самого слова *горла*; современный же ребенокъ, въ которомъ бессознательно сложилась мысль, что слово что нибудь да значить, скоро и легко объяснитъ себѣ звуки упомянутаго слова образомъ самого предмета, на который ему указываютъ. Образъ этотъ не смѣшается съ другими, потому что обособляется и сдерживается словомъ, которое съ нимъ связано. При этомъ путь мысли ребенка сократился; онъ сразу, минуя предшествующія значенія (напр. огня и пожиранія), нашелъ искомое значеніе слова.

Извѣстно, что слова съ нагляднымъ значеніемъ понимаются раньше отвлеченныхъ, но ходъ пониманія тѣхъ и другихъ въ общихъ чертахъ одинъ и тотъ же. Положимъ, говорить Ляпарусъ, что дитя имѣетъ уже извѣстное число образовъ съ соотвѣствующими имъ словами: ѣсть, пить, ходить, бѣжать и проч.; оно еще не умѣетъ выразить своихъ отношеній къ этимъ образамъ: *хочетъ* ѣсть, но говоритъ только: „ѣсть“, взрослые говорятъ между собою и къ нему: „мы *хотимъ* ѣсть“, и дитя замѣчаетъ сначала это слово, а потомъ и то, что желаніе предшествуетъ исполненію. Дитя *хочетъ* пить и протягиваетъ руку къ стакану, а у него спраши-

вають; *хочешь* пить? Оно видитъ, что желаніе его понято и названо словомъ *хочешь*. Такъ выдѣляется и значеніе словъ ты, мы, мой, твой и пр. Кто держитъ вещь, тотъ говоритъ „мое“ и затѣмъ не отдаетъ другому; кто даетъ, тотъ говоритъ „твое“ и т. д. ¹⁾. Начало пониманію отвлеченнаго слова полагается его сочетаніемъ съ конкретнымъ образомъ (напр. *мое* съ образомъ лица, которое держитъ), откуда видно, что напр. мѣстоименіе, замѣченное ребенкомъ, сначала для него вовсе не формальное слово, но становится формальнымъ по мѣрѣ того, какъ прежнія его сочетанія съ образами разрушаются новыми. Еслибъ притяжательное *мой* слышалось ребенкомъ лишь отъ одного лица и объ одной только вещи, то хотя бы оно и не слилось съ образами этого лица и этой вещи (если и то и другое имѣетъ для него свое имя), но не навсегда осталось бы при узкомъ значеніи такой то принадлежности такому то человеку: мѣстоименіе обобщается отъ перемѣны его обстановки въ рѣчи. Здѣсь видно, какъ различно воспитательное вліяніе языковъ, стоящихъ на разныхъ степеняхъ развитія внутренней формы. Быстрое расширеніе пониманія слова ребенкомъ оканчивается тамъ, гдѣ остановился самъ языкъ; затѣмъ начинается то медленное движеніе впередъ, результаты коего обнаруживаются только столѣтіями. Въ одномъ изъ Малайскихъ языковъ (на островахъ Дружбы) личныя мѣстоименія не отличаются отъ нарѣчій мѣста: *миъ* значить вмѣстѣ и *сюда* (къ говорящему), *тебъ—туда* (по направленію ко второму лицу), напр. „Когда говорили *сюда* многія женщины“, т. е. говорили намъ! „я можетъ быть говорилъ *туда* неразумно“, т. е. сказалъ вамъ глупость. Такой языкъ не можетъ образовать понятія о лицѣ независимо отъ его пространственныхъ отношеній: но если бы въ европейцѣ сложилось сочетаніе мѣстоименія съ представленіемъ движенія, направленія, то это сочетаніе было бы немедленно разорвано другими, уничтожающими всякую мысль о пространствѣ.

¹⁾ Das Leben der Seele. II, гл. 3.